

С. Л. Бринкер

ИСТОК БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Часть 2. Творец, создай себя

16+

Светлана Люция Бринкер

Исток бесчеловечности.

Часть 2. Творец, создай себя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56536703

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98926-9

Аннотация

Когда мы мечтаем, чтобы сказка стала былью, то желаем себе испытаний, из которых непросто, но необходимо выйти победителем. А в качестве бонуса – прекрасную принцессу и ездового дракона. Но по-настоящему соседствовать с волшебными существами и чернокнижниками согласились бы немногие – и лишь при условии солидного профита. Как насчёт бессмертия? Здоровья? Выбора удобной телесной формы, возможности поселиться под землёй, в воде или в чужой плоти, а то и повсюду одновременно? Для этого нужно покинуть "старый мир", понять, как устроена волшебная реальность и научиться ею управлять.

Содержание

Глава 1. Совершенная ловушка	5
1	5
2	15
3	27
4	32
5	39
6	50
7	59
8	70
9	73
10	81
11	87
Вырванная страница	91
Исполнение желаний	91
Глава 2. Обещание дракона	97
1	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Светлана Люция Бринкер

Исток бесчеловечности.

Часть 2. Творец, создай себя

*Посвящается Ольге Светловой, знающей толк к
таких вещах.*

*Изучая этот мир, мы изменили его до полной
непознаваемости.*

Констант Понедельник

*Он так давно мёртв, что скоро явится снова.
Старомирская поговорка*

Глава 1. Совершенная ловушка

1

Троль вылупил ехидные маленькие глазки, косящие из-под косматых бровей. Вся его бобовидная физиономия, сплюснутая по направлению к подбородку (будто хозяина в юности надолго подвешивали за челюсти как прищепку для белья), сияла радостью узнавания.

– Ты! – взревел он. – С тебя стих. Оскорбительный. И поучительный. Давай, а то дома останешься.

Штиллер приуныл. Товарищи смотрели на него из вагона. Бретта даже окошечко отворила, не желая упускать ни одного нюанса надвигающегося позорища. Треан округлила рот в неслышном «О!», а малознакомый наёмник Отик поднял ко-та: тому было плохо видно. Что бы Штиллер сейчас ни продекламировал, глумливого ржания в Гильдии не избежать.

Но пешком идти глуповато. Далеко. Да и холодно.

Ключник уставился мимо тролля на двух гномов-курьеров, без особого труда перетаскивающих тщательно увязанные мешки, каждый вдвое выше обоих. Коротышки нахально пользовались тем, что внимание Машиниста целиком принадлежало Штиллеру, и лезли в вагон бесплатно. Рен вытянул палец в их сторону – и снова опустил. Таких гномов

лучше не трогать, убеждал опыт. Курьер сам по себе не представлял серьёзной угрозы, но что потом делать с грузом? В таких огромных, почти незаметно шевелящихся мягких мешках часто сидело нечто чрезвычайно агрессивное, к концу путешествия умудряющееся перегрызть даже заколдованные верёвки.

В соседний вагон без затей торопливо запрыгивали скромно одетые матери с ребятишками. Бросались в глаза небольшие, но безошибочно узнаваемые узелки на одежде многих малышей. Внезапно жизнь показалась Штиллеру на редкость оскорбительной, но и поучительной тоже. Интересно, удастся ли уложить ощущение в четыре строчки?

– Должника-бедняка в цепких лапах кручин
Пожалей, но, как правильно жить, не учи.
Лишь один неудачника званья достоин:
Ты, кто вечно в тоске без особых причин.

– Хе-е! – тролль задумчиво поковырял языком в ухе. – Уж больно мудроно... В Михине сойдёшь.

– Ценители! – ворчал Штиллер, под негромкое похрюкивание спутников усаживаясь у окна. – Критики... на кого ни присядь!

Он нервно подскочил и выковырял из-под себя сплющенного гоблина-подушечку. Сидушка тоже хихикала, но, похоже, просто потому, что умела. Рен, не глядя, бросил её в

дальний угол вагона. Оттуда ответили гномы – без особенного воодушевления. То ли умеренно поблагодарили, то ли беззлобно проклинали.

– Не злись, – Бретта похлопала ключника по колену, и кулаки Штиллера, которые он непроизвольно приготовил для следующего насмешника, немедленно разжались. – Он же для неверского состязания ругателей идейек подыскивал, тролль Машинист. Ты тоже можешь выступить. Но там всегда побеждают ведьмы со станции Нигде. Жаль плотву вносить. Ты ж экономный, а? Тролля оомекскому заплатил бы по-простому, по-хорошему... Ладно, нам в Михин и надо, – наёмница нетерпеливо побарабанила пальцами по столу, будто чего-то ожидая.

– Ну рассказывайте же, не тяните медвервольфа за жабры! – наконец не выдержала она. Нежно и опасно звякнули спрятанные лезвия, когда Бретта взмахнула вышитыми рукавами новой тёплой накидки. – Чего секретничать? Работать всё равно же будем вместе!

– Обязательно? – вежливо уточнил Отик, совсем молодой наёмник, новичок, желающий вступить в гильдию.

Мастер Ю поставил кучу нелепых условий. А парень взял да и выполнил все до одного, включая требование помирить сотни лет враждующие кланы ведьм Буролесья. В доказательство успешности миссии привёз оттуда самый обычный с виду клубок ниток да спицы. Непонятно – значит, волшебным и неопишимо мощно, решили все.

Вместо того, чтобы внести добросовестного парня в списки, глава гильдии потребовал «ещё одного дела» в Михине, без которого, мол, и говорить не о чем.

– Необязательно вместе работать, – ответила наёмница, взглядываясь в по-детски наивную физиономию Отика, не замечая и тени насмешки. – Но почему бы нет? Вот Штиллера возьми: он из Михина родом, полезная штука.

– Благодарствую, – ядовито промолвила «штука».

– Ешь на здоровье! – отмахнулась Бретта и снова обратилась к Отику. – В чужих краях можно из-за того, что сморкаешься не по-правильному, задание завалить. А нам этого никак нельзя. Наёмники выполняют, за что берутся. Не справятся – тут и Братству конец. Ты ж мечтаешь присоединиться к гильдии, так оно?

Отик нервно разгладил обеими руками длинные белобрысы рипендамские патлы. «Сама же знаешь!» – говорил напряжённый взгляд новичка, ожидающего подвоха.

– Почему же сразу всему конец, если задание не выполняю? – решился уточнить он.

Бретта драматически вздохнула, будто её просили объяснить, отчего у единорога нос спереди, а хвост сзади.

– Закон такой, – авторитетно заявила она. – Один промахнётся – всех неудача настигнет. Потому мы друг другу помогаем. Встречаются одиночки, кто делиться плотвой не хочет, но даже известные жадины, – девушка искусственно громко кашлянула, но слово «Катер!» удалось разобрать, – порой

работают с командой. Ты послушай, что про наш последний поход в Лиод рассказывают.

– Бретта и её последний поход! – провозгласил кот, растянувшийся пузом вверх на коленях у Отика. Намекал зверь на непристойнейшую пьесу «Вампир и его последний укус», с треском провалившуюся в столице. С тех пор стало модным насмеяться над гордецами, перечисляющими свои регалии, применяя выражение «Он и его последнее что угодно». Например: «Повар и его последний десерт». Или: «Повитуха и её последний послед». Наёмница шикнула на телепата и погрозила «когтем» – лезвием в постоянной готовности на запыстье. Рипендамец строго погладил Базиля, убеждая не отвлекаться от безделья.

Вагон подскакивал и трясся, как рука неопытного взломщика.

– Да не из жадности я, – Отик понизил голос. – Просто дело... незаконное.

– Ух ты, незаконное! – громогласно обрадовалась Бретта. Она растянулась на скамье широко, по-королевски, полулёжа спиной к окну, используя Штиллера как спинку трона и мотая сапогом. – Наконец-то! Давненько моих портретов на воротах гвардейских казарм не висело. Гильдия убийц небось уже забыла, сколько у меня веснушек на носу. Вот чего мне для здорового пищеварения не хватало: соучастия чуток!

Наёмница обвела народ испытующим взглядом, но под-

держки не получила и вновь стала серьёзней.

– Не трусь, Отик! Любое «нельзя» можно перехитрить. На том стоим.

– А, ну тогда всё в порядке, – натужно развеселился рипендамец. Было заметно, что его не убедили. – И секретность у вас тоже на уровне «как в подушку шепнуть»?

– О... секретность у нас порой такая, что сами не знаем, что делаем, – вдруг с горечью в голосе сообщила Треан, о которой почти забыли.

У девушки был настолько потерянный и беспомощный вид, что даже Базиль двинулся, чтобы перепрыгнуть к ней на колени, но потом остался, где лежал. Чем Отик его привлёк? Вероятно, причудливостью мысли.

– Я ещё никогда не уезжала так далеко на задание, – призналась Треан. – Одна – никогда.

– Мы с тобой, – уточнил педантичный Штиллер, но и ему было ясно: «без мастера Ю». Что тут скажешь? Все стали прилежно смотреть в окно. Приближался Невер.

Летом в Невере было на что посмотреть. Но перед Годовым Поворотом, в самые морозные зимние дни, взгляд скользил, не останавливаясь, по однообразным белым холмам, равнинам и чёрным древесным скелетам. Тролля железная дорога петляла, удаляясь вглубь Приводья, огибая холмы, ныряя в овраги и с усталыми вздохами, медленно возвращалась к берегу, к рыбацкому Михину.

Здесьняя земля принадлежала садовникам и огородникам, заключившим союз с духами земли, воды и ветра. Поля до самого горизонта издавна служили территорией испытаний причудливейших аграрных чар. Говорящие растения, культуры, способные сами себя окучивать и удобрять, росли неподалёку от злаков, умеющих заманить путника в поле и убедить лечь на межу. Там бродяга засыпал навсегда, насыщая неверскую почву. Рассказывали о меняющих положение огородах, подкарауливающих одинокую добычу, о делянках, на которые опасались заходить даже самые рискованные садоводы. Разумеется, торговцы зелёных лавок, столичные повара и булочники очень осторожно выбирали достойных доверия поставщиков.

Земледелие в Приводье требовало и таланта, и одержимости. Тягловые единороги обладали скверным характером и норовили, раз не пригляди, сбежать охотиться в тумане за сновидениями. Мучительно начарованная тучка проливалась дождём над чужой рощей. Еремайские мыши-оборотни воровали семена из-под земли, порой и хозяев участка прихватывали. Тыквы величиной менее троллей головы считались столичными гурманами неприличными, их в Лена Игел никто не покупал. Приходилось кормить ими шушунов или гнать тыквянку – субстанцию могущественную, но жестокую.

К тому же между соседями велись постоянные пограничные войны. Единственным очевидным способом не остаться

в проигрыше в борьбе с хищной фауной было оттяпать кусок близлежащего поля, где летучая ягода лучше уродилась. Штиллеру в лавке «Книга Судьбы» попадались старые карты подмихинского Приводья, заверенные королевской подписью. Господин Понедельник утверждал, что эти документы имеют такое же отношение к реальному положению дел, как серп некроманта к сырной корке.

Штиллер смотрел в окно и вспоминал садик матери, в котором та выращивала исключительно цветы и ручную брюкву, овощ, вызывающий разнообразные эмоции, но ни в коем случае не аппетит. Бретта инспектировала ножи, периодически желая какому-то Дуну Точильщику лишай в пятку и сову в зубное дупло. Треан делала вид, что спит.

Отик почтительно ссадил Базиля с колен: кот выходил в Невере. «Удачи, коротыш!» – ехидно-ласково и очень громко подумал Штиллер. Кот обернулся, оскалился и дёрнул хвостом – попрощался, что ли. По следам комбинации воспоминаний в головах шести различных персон телепат планировал разыскать в Невере загадочный клад. Гномы тоже сошли здесь, аккуратно стащив мешки на платформу: может быть, тот самый клад.

Им стоило поторопиться закопать его.

Следующая станция – Михин.

– Рассказал бы, – попросил Штиллер в опустевшем вагоне, – что за беззакония задумал. Любопытно, клянусь По-

следним Ключом Тав.

И стал загибать пальцы:

– По-настоящему богатых Островитян в Михине нет. Власть тут чтят умеренно, без фанатизма: королевскому памятнику каждый год местные весельчаки сносят голову и закатывают на плечи кочан капусты, троллий почечный камень или гнездо какучего дваиста. И бездельники живы, не висят за уши на пристани. Дома обеих гильдий – неприступные крепости. Поскольку ты меня о помощи не просил, делаю вывод, что ни Ключники, ни Рукодельницы целью налёта не являются. Не Храм же ты Морской Змеи обокрасть едешь!

Отик смотрел по-прежнему весело, непринуждённо, только слегка побледнел.

– Бретта, – осипшим голосом пробормотал Рен, – он грабить в Храме...

Наёмница вскочила на ноги, завертела головой: вагон оставался безлюден, гоблин не в счёт. В окнах мелькали дальние неверские дворы и амбары. Трое наёмников сели поближе друг к другу, сдвинули головы, перешли на шёпот.

– Мастер Ю разрешил покуситься на имущество змеиных баб? – мрачно уточнила Бретта. – Не верится. Шуму будет... когда ловить станут. Ты ничего не перепутал?

– Всё правильно, – процедил недовольный Отик. – Заказчик – Хуго Келен из Забуролесья. Требуется украсть Йетту Келен из михинского Храма. Видать, родственницу.

– Уф-ф... Хоть не реликвию! – с облегчением выдохнул

Штиллер. — Но дикие они, забуролесцы. Чем плохо, если дочка станет морской монашкой? Почёту больше, чем замуж, им даже детей рожать вера позволяет, только воспитывать — нет. Хотя если присмотреться, как некоторые своих растят, то лучше бы они по-монашески в лодочки складывали — и на волю волн... Погоди, силком там никого не держат. Представь: сидит себе девчонка в воде по макушку, чувствует себя, как рыба в... — ключник сбился и умолк, а Бретта хихикнула. — И тут ты с огненным мечом освободителя. Вдруг она с тобой не пойдёт?

Отик пожал плечами.

— Пойдёт, — абсолютно убеждённо ответил он.

Бретта вздёрнула подбородок:

— Ну, не такой уж ты... неотразимый. С чего это?

— Все идут.

Наступило короткое молчание.

— Например, кто?

— Вы.

Михин состоял из пяти улиц и звание города носил по недоразумению.

По Длинной Лестнице приезжий спускался к пристани. Там, на берегу и на сваях над водой, находилось всё, что называли «михинским»: ратуша, резиденции гильдий, Храм и раз в неделю – рыбный базар.

В базарный день на мелководье собирались твари невообразимых видов и форм, чтобы пообщаться с собратьями, которых давно не встречали, обменяться идеями новых конструкций силков и сетей, расставляемых по кустам на жителей Побережья. А также похвалиться находками, удачно продать редкости и сокровища, которых не сыскать на суше. Взамен запретноводные существа требовали кованое оружие, вино, а ещё – сказки и песни. Их приходилось орать в огромные раковины, установленные на берегу и широкими раструбами уходящие в глубину. Зимой для удобства торговли лёд дробили, прорубали в нём аккуратные окошки и обставляли скамеечками.

Вообще, стремление к удобству и комфорту отличало михинцев и считалось ими чуть ли важнейшей из добродетелей. Так, местные чрезвычайно редко ходили пешком, снисходительно глядя на гуляющих чужаков как на нелепых истаптывателей обуви. Горожане ездили на разнообразнейших жи-

вотных: от обычных полевых единорогов, невозмутимых и надёжных, до экзотических двухголовых сухоземских саламандр, управление которыми требовало сноровки и немало-го мужества. Михинцы победнее нанимались носильщиками к обеспеченным соседям.

Это успел рассказать спутникам Штиллер во время спуска к гавани. Гости любовались многочисленными процессиями из тёплых палаток, служивших защитой от холода и ветра. Лица носильщики скрывали под меховыми звериными масками, чтобы избежать насмешек. Из неприметных переулков то и дело выскакивали забавные самоходные повозки.

Ближе к гавани спутникам стали попадаться и пешеходы: в основном, рыбаки, а также, как их тут называли, «четвероноги». Были они обычными двуногими михинцами, выбравшими добровольное хождение на четвереньках. По мнению большинства целителей, людская малоподвижность сокращает жизнь и уменьшает личное могущество. Потому в последнее время среди населения распространилась традиция на рассвете и закате передвигаться, подражая диким животным. «Здоровая» ходьба изрядно веселила приезжих. Они наблюдали, а некоторые даже пытались повторять бег «четвероногов». Что-то чрезвычайно привлекательное было в том, чтобы пожертвовать прямохождением. Смешная разновидность аскетизма. Новая забава распространилась по Приводью молниеносно, как сплетни о нравах королевского двора. Появились фанатичные последователи идеи «чет-

вероногости», утверждавшие, что таким образом стоит передвигаться не только в сумерках, а всегда, иначе эффекта от усилий никакого. Наиболее решительные, «катуны», перешли на перевороты с боку на бок и ползание, как на древнейший, а потому более верный путь к телесному благополучию. Такие составляли меньшинство, объект шуток и анекдотов. Основная часть населения, проскакав положенный час на корточках, отряхивалась, подзывала скучающих носильщиков и, довольная своими спиритуальными успехами, развозилась по домам.

Бретта высказалась об идее четвероножества крайне непочтительно. Скорее Остров навестит сей чокнутый город, объявила наёмница, чем она задерёт зад и босыми руками поскачет по мостовым. Штиллер описал наёмнице «руфли» – элегантные перчатки с каблуками. Бретта хохотала так, что охрипла.

– А ты на чём ездил, когда маленький был? – со стоном полного изнеможения спросила она. Треан и Отик помалкивали, занятые своими мыслями и, кажется, почти не рассматривая достопримечательностей, но тут тоже прислушались.

– На гоблинах моего отца: вилах, мётлах, ломах, – ответил Рен и быстро сменил тему. – За поворотом Лестницы – пристань. Там мы разойдёмся, пожалуй, Отик, раз искра доверия меж нами не проскочила. Если понадобится связаться с остальными, заходи в «Тот же сон». Последний дом тут, по улице, трактир. Там подают только бублики и сухарики, но

напитки прекрасны. А главное, в нём никого нет.

– Как так? – Отика, оказалось, тоже можно удивить.

– В недавнем прошлом там была лавка ключника. Я хотел купить её, поспрашивал соседей и узнал, что дом проклятый, внутри оживает всё: от напильников до гвоздей. Даже плотва – не успевают ею расплатиться. Пока раздумывал, заведение выкупили, трактир открыли. Проклятый, разумеется. Там тоже вещи обращались гоблинами, даже кружки с пивом. Никто туда не ходил: нет желающих покинуть заведение в говорящих штанах. В штанах, комментирующих своё содержимое. В итоге хозяин сбежал от кредиторов в Город Ночь и оставил заведение обитателям.

– Обитателям? – насторожилась Бретта. – Не шушунамли?

– Гоблинам. Я открою дверь и оставлю незапертой. Уверен, что внутри остались запасы...

– Штиллер, ты не станешь есть живой бублик! – укоризненно поморщилась Треан.

– Хм-м? Стукну кулаком по столу, и он перестанет болтать и кататься. А так – разницы никакой, – Рен пожал плечами. И увидел. – Ох ты ж, лещ-кособок... Куда Храм подевали?!

Тогда и остальные разинули рты. Михинский Храм Морской Змеи из морёного дуба, на каменных сваях возвышающийся над водой, известный всем по картинкам базарных живописцев и по рассказам путешественников, пропал.

Только несколько камней, позеленевших и поросших ракушками, валялось на берегу, выглядывало из-под узкой полоски наледи.

– Похоже, Храм уже навелили до нас, – прошептала Бретта. – Как...

– Вы – как хотите, – услышали приятели. – Мои планы не изменились. Удачи!

Они изумлённо обернулись и увидели, как Отик, совершив некие пассы на бегу, прыгнул в ледяную воду и был таков.

– Минус один, – констатировала Бретта, со звучным хлопком прижав ладонь ко лбу. – Я бы сейчас не отказалась от глотка тыквянки. Что, наведем гоблинское логово? Наполним совместные планы утончённым коварством?

Но, вопреки их ожиданиям, «Тот же сон» оказался обитаем.

– Не стой на пороге, как неродной шушун. Заходи! Тут не очень проклято, токо не прибрано чуток.

Голос из-за двери таверны был женским – громким, хрипловатым, но и приятным, как звуки шестиструнной ротты у ночного костра в летнюю ночь.

– Входи, если не стонец неуспокоенный и не кровопивец, трижды зазывать не стану!

Наёмники отворили дверь и осмотрелись. В освещённой уютным пламенем свечей гостиной помещался всего один

стол напротив тракторной стойки. На полках позади отсутствующего на рабочем месте тракторщика, по соседству с рядками бутылок и кружек замерли удивительные вещи: вырезанные из дерева сказочные звери, тряпичные куколки, кружки, выточенные из мерцающего жёлтого камня, пёстрые самородки и колокольчики разнообразной величины.

За столом сидела буролесская ведьма и угрожающего вида пыточным инструментом вроде крюка терзала невзрачную с виду дерюжку. Нет, кажется, всё-таки вязала её. При мысли о том, что изделие из подобного материала будут носить, а не кормят домашней скотине, хотелось жалостно погладить мастерицу по головшке. И предложить ей в качестве ниток что-нибудь хоть немногим более достойное. Крысиную шёрстку, например, или растительность с тролльих коленок.

– Зачем искали меня, спрашивается? – сварливо поинтересовалась вязальщица. – Плотву за свою работу я вашему ночеградскому величеству вернула – до последней поломанной монетки. Если кто из егерей не прикарманил, конечно. И предлагала ведь: сперва на поварёшках или на поломойках каких прикинем, ноская ли ткань, не царапает, не усаживается ли. Так женскому полу доверия ж нет! Сами вы королю и поднесли – а он, бедолага, возьми да и нацепи при всём народе. Ну как, обратно в Город Ночь повезёте или прямо здесь рассчитаемся?

Ничто в ситуации не предвещало беды. Рен как раз хотел поправить: никакие мы не ночеградские и про ткань знать не

знаем. Но вдруг Треан охнула и бросилась наружу. Штиллер потерял ещё долю мгновения на то, чтобы убедиться: в руках вязальщица держала уже не крючок, а два меча – один короткий, другой примерно с его Сепаратор... который доставать времени уже не было. К его удаче Бретта тратить времени на недоумение не стала.

Полетели лезвия, повалились стулья, стало тесно. Женщины с изошрёнными проклятьями гонялись друг за другом по трактиру. Незнакомка быстро превзошла наёмницу в словесном поединке. Она обладала редкой фантазией и, может быть, огромным скверным жизненным опытом. Зато Бретта вскоре загнала противницу в угол. Она пришпилила один из широких вышитых рукавов к стене, выкрикнула: «Дикая, чего на людей бросаешься?!» – и стала выкручивать руки. Обеим, похоже, не очень-то и хотелось убивать друг друга.

Рен принимал участие в совсем другой битве. На него толпой ринулись гоблины. Кухонное полотенце раздавало пощёчины, резной табурет четырьмя копытцами попеременно молотил по коленям, расписные ложки норовили воткнуться в нос, пивные картонки смачно хлопали по ушам, небольшая кружечка интимно присосалась к щеке. Ключнику приходилось уворачиваться от летящих бутылок и невесть кому принадлежащей коллекции сапог. А отец ещё говорил: гоблины – мирный, дружелюбный народец!.. Когда Штиллера укусили за нос изящные щипцы для печенья, терпение ключника лопнуло, он перестал ласково уговаривать назойливую ме-

лочь и принялся раскидывать гоблинов с яростью берсерка.
– Хватит... – простонала ведьма. – Хватит... Я уже смиренная...

Бретта картинно остановила лезвие, почти касаясь им глаза противницы. Предметы, как по команде, повалились кто куда и перестали хулиганить.

– Как тебе удалось приручить столько гоблинов? – неожиданно поинтересовалась наёмница, переводя дыхание.

– Шушун их знает, – ведьма трубно сморкнулась окровавленным носом, – чего они за меня заступаются. Видать, не такое гнильё, как вы, ночеградцы!

– Ошибка, – Штиллер, кряхтя, вытащил из бока штопор. Тот уже не вращался. – Мы из Лена Игел, наёмники. Мне поручено сопроводить в Амао лучшую мастерицу-вязальщицу, а я тут с посудой не поладил, – ему удалось отлепить чашечку, на месте «поцелуя» остался характерный синяк. – Между прочим, гоблины ни за кого не воюют, играют только. Кому больше всех попадает, того они и выручают.

– Меня тоже не вареньем кормили! – Бретта продемонстрировала свежий, наливающийся кровью фингалище под левым глазом. – Ладно, пусть гоблины, лишь бы не шушуны. Фуф-ф... Брось мне фляжку, Штиллер!

– Так вы наёмные... Опилки вам в подштанники! Что ж ваша девка побежала, как от стаи куролисков? Покажись, – попросила незнакомка, осторожно освобождая рукав, – я уже не кусаюсь.

Треан просунула кудлатую макушку в комнату. Она, похоже, опять рыдала под дверью. Ведьма тем временем прихромала к стойке, сняла одну из уцелевших бутылок, выставила кружки, скупно плеснула в них по глотку.

– За приятное знакомство, что ль? – она стукнула своей опустевшей кружкой по стойке, наклонилась, подняла рукоделие со скамьи и аккуратно спрятала в сумку. – Бывает, хорошая драка заканчивается крепкой дружбой. Или наоборот? – вязальщица нахмурилась.

– Никто не в обиде, – ключник затянул сумку покрепче, зная, что это не поможет. Карманы всё же решил не выворачивать, хоть и не представлял, как даже такое настырное существо, как гoblin, могло бы попасть в вывернутый карман. – Я Рен Штиллер, отсюда родом.

– Бретта!

– Треан!

– Эй, руками не маши, я ж сказала – мир. А, это... Ну, здорово. Зюсска меня зовут... Запасы! – обрадовалась ведьма, заметив, что Штиллер достаёт из сумки картошку, хлеб и прочие знаки внимания заботливой Ребекки, ленаигелской трактирщицы. – Неужто яблочки? Везёт! У нас они не растут, украли.

– Урожай нынешнего го... Да что, деревья у вас, яблони все украли, или как? – не поверил ключник.

– Ага. В столицу увели. Последний раз я их ела... да, точно, сопливкой ещё малой, в Буролесье, если кто на спрятан-

ное дерево набредал.

Наёмники молча, не глядя друг на друга, подвинули ведьме все свои яблочные запасы. Выпили еремайского: крепкого, сладкого вина, напомнившего о лете.

– Если ты здешний, чего дома не ночуешь? – спросила Зюсска, тщательно набив рот перед тем, как спросить. И чудо! – в таком произношении вопрос её показался Штиллеру менее бестактным, чем был.

– Так вышло, – пожал плечами Рен. – А ты почему с другими рукодельницами в Доме Гильдии не живёшь?

Зюсска усмехнулась и почесала нос, вроде бы немного смутившись.

– Так вышло! – ответила она и развела руками. – Не берут меня туда, нехорошо вяжу, не по правилам.

Произнесено было с такой гордостью, будто девушка похвасталась королевской наградой за талант и искусную работу.

– Зюсска... О! – Треан впервые за весь день оживилась и вступила в беседу. – На базаре рассказывали, что Злой Охотник неделю назад на Белом Параде внезапно оказался в одних сапогах. Неужто не брешут?! Только вязальщицу зимнего наряда по-другому называли, Заноза, что ли. Подмастерье твой, может?

– Нет. Тоже я, – отозвалась Зюсска. – В нашем ремесле без этого пропадёшь, – но без чего – не уточнила. – Вон и у Погонщика Своры такого добра немало. «Имён», – понял

Штиллер.

– Я потому и думала, что дядька вампир хорошую шутку оценит, – Зюсска поплюнула палец и собрала крошки со стола. – Я летом всегда на мели... Да и зимой тоже. А в гавани неводы плести – рыбаки недовольны. В мои сети чего только не идёт: сундуки со старыми книгами, скелеты чудовищ, подводные цветы, утопленники, но не рыба. Тут как раз мне котом весточка: к началу декабря нужен новый наряд для Короля-ночеградца. На Парад всегда шьют новый, шушун знает, зачем. Старый, наверное, кровью и смертью пропахивает до отвращения. К вечеру накануне закончила: поздновато, конечно, но у дворни времени хватило бы в нём на пробу побегать. Так нет! – и кто теперь виноват? Заноза, злая ведьма!

– Да что за одежда такая получилась?

– Показывает хозяина таким, каким он хочет выглядеть в глазах народа, – неохотно объяснила Зюсска. – Кто ж мог знать, какие у Охотника интересные представления о величии!

– А что ещё можно связать? – Треан перестала хихикать, разложила на лавке накидку и теперь непрестанно зевала в ладошку, поглядывая в маленькое тёмное окно на прибывающую луну.

– Всё, – убеждённо ответила ведьма. – Что есть – и чего нет, конечно, тоже.

– И троллий поезд? И вампира?

– И их.

– Зачем, я не понимаю, – разворчалась Бретта, устраиваясь на жёсткой скамье. – Вот получил ты шерстяного вампира...

– Лучше, чем никакого, – наставительно заметила Зюсска. У неё уже имелась удобная мягкая лежанка в уголке. Ведьма ещё разок вынула странную поделку и разложила на коленях.

– Сумка будет, – довольно пояснила она. Похоже, только что сама сообразила, что вяжет. – Сумка-ловушка. Нет, лучше охотница. А матушка Розвитха не любит таких фокусов. По ней были бы все носки серые...

– Пару проще найти, – пробормотал Штиллер, засыпая сидя. Бретта задула свечи и неслышно выскользнула из комнаты. Стоило, возможно, беспокоиться, но плед-гоблин ласково придавил и обнял, и проводил в нелепые волшебные края.

Ключник проснулся оттого, что из окна ему заглянули в лицо – холодно и насмешливо. Это оказалась Луна. Зюска ровно дышала в своём уголке. По стойке полусонно катилась небольшая картофелина: ей удалось во время ужина спрятаться за бочонком прокисшего эля, отвергнутого приятелями. Заметив, что привлёк внимание, гоблин замер, спрыгнул со стола и пропал. Штиллер огляделся и больше никого не увидел. «Минус три!» – с ужасом подумал он.

Но сразу услышал голоса.

Бретта, понятное дело, не спала. Штиллер нашёл её и Треан в тёмной комнате наверху, в окружении мрачной старинной мебели. Ключник получил в бок деревянным углом тумбочки, споткнулся об агрессивный ворсистый коврик, хватающий за ноги, и свалился на нечто широкое, мягкое, где уже сидели обе девушки.

Треан рыдала, окружённая сочувствующей Бреттой практически со всех сторон.

– Да какое там «прошла любовь», он сам не знает, что говорит, пенёк замшелый, – услышал Рен. – Одного у старика не отнять: понимает, когда каждому из нас пора спуститься с тренировочного чердака и делом заняться.

– Я же ничего не могу сама! – тоненьким шёпотом крикнула Треан. Штиллер подвинулся ближе, чтобы возразить:

а людская находка? А сделка с Фором? – но получил пинок и недовольно промолчал. – Я убегаю раньше, чем вижу, от чего! А он мне: «Таков твой способ сражаться».

– Ты же знаешь, как говорят, – голос Бретты звучал непривычно мягко. – «Задание не даётся в руки тому, кто с ним не справится». Порой само присутствие наёмника меняет ситуацию, даже если она совсем безнадёжная.

– Я свою страницу Отику отдала!

– Нехорошо, – после недолгого молчания признала Бретта. – А ему зачем?

– Мы поменялись, – Треан роняла короткие фразы, как слёзы. – Испугалась, как увидела про грабёж из Храма. А он: махнёмся? Думала, задание новичка попроще будет. Ага!.. Вот оно.

Бретта вскочила, подошла к окну, чтобы в лунном свете прочитать вслух с обычной страницы, которые воспитанники мастера Ю варварски выдёргивают из Книги Неотложных Дел: «Уничтожить Гильдию Наёмников. Заказчик: граф Родигер из Лена Игел. Награда: доставка на Остров и, буде желание таково, обратно».

– Прекрасно! – у Бретты был голос человека, обнаружившего, что пьёт вино из черепа любимой бабушки. – Мне-то казалось, что Отик – идиотик. А он хитрая дрянь! Пони-маешь? – Треан потянула носом и, кажется, кивнула в темноте. – А ты, Штиллер? Нет? Той странице сто лет в обед! Она там для смеху торчала: народ дивился и дальше дело

искал. Зато Отик готов был расстаться. А удобный случай заметил – и тебе подвиг перепоручил, мурена безголовая... Не реви, мурену беру обратно, безголовую поддержи пока. Ты мастеру Ю рассказала?

– Ага...

– А он? погоди, я угадаю: смеялся, в ладоши бил, удачи пожелал?

– Точно. Ещё посоветовал: «Не жди, что за тебя всю работу сделают».

– Погодите, – напряжённо произнёс Штиллер, у которого от усталости и ощущения, что жизнь пошла наперекосяк, голова разболелась. – Наёмники всегда выполняют дела, за которые взялись, поскольку – поправь, Бретта, если не так! – мастер объявил, что распустит гильдию, если его ученики потерпят неудачу. Вот, скажем, Треан берётся за поручение. Затем бросает. Старик распускает гильдию. Выходит, Треан задание выполнила, закрывать гильдию не надо.

– Мудрено, – помолчав, вздохнула Бретта. – Надо бы пораскинуть...

– С утра, свежими, – Треан деликатно высморкалась и зевнула.

– Я не сам придумал, отец рассказал, – сознался честный Рен. – В Старом мире жил хитрый крокодил, а может, лев, словом, хищник. Ел тех, кто не мог разгадать его загадки. Схватил однажды бродягу и говорит: «Съем ли я тебя так, как съедаю всякого? Отгадай – останешься жив». А пойманный

в ловушку самой загадки ждать не стал – да и отвечает злодею на его вопрос: «Горе мне, ты съешь меня!» Получилось, что если чудовище съест мудреца, значит, тот угадал, а за правильное решение ему жизнь обещали.

– И что с ним стало? – зачарованно спросила Треан. – Отпустил его кроколев?

– Съел, конечно, – ответил Рен, устраиваясь поудобнее.

– О! Но как же?

– Иначе, чем съедал всякого. С головы, может, а не с хвоста... Или наоборот. Доброй ночи!

Наступила тишина. Казалось, наёмники задремали. Тогда раздался шёпот Треан:

– А что у тебя за поручение, Бретта?

Рассвело, но они не торопились в путь. Жаль было будить Треан, она задремала лишь под утро.

– Руки...

Но сказала Бретта это беззлобно, невесело, будто по принуждению. Штиллер помедлил, но потом отпустил.

– Тебе, значит, можно, а мне... Ох, да шучу же! – он помолчал, по привычке проверяя набор ключей и отмычек в сумке, чтобы успокоиться. – То есть, надеяться не на что?

– Не-а, – произнесла она нараспев, погружённая в свои мысли, – я замужем.

– Ах, лещ-косорот! А сказать никак нельзя было? Стой, ты права, «здрасьте, я Бретта, замужем, любимое блюдо –

жареная картошка с василисковой травой и с луком» – тоже глуповато звучит, само собой. Он из наёмников, я его знаю?

– Нет, он в Еремайе живёт... Наверное. Я думала, тебе уже рассказывали, раз не расспрашиваешь про сына. А ты, выходит, нелюбопытный.

Про сына! Да просто не хотелось будить спящих собак. После того, как они вместе стали жертвой «обвинительной магии» Фенны, Штиллер предпочёл поскорей забыть открывшиеся ему тайны друзей и был благодарен, что они не заговаривали с ним о родителях. Дурак, значит.

– Умерь силу отчаянья, Штиллер, – злая насмешка получалась у девушки неубедительно, но надо признать, Бретта очень постаралась не обидеть жалостью. – Спроси меня снова, когда все дела переделаем и вернёмся. Кто знает? Может, я к тебе через сотню лет с нежностями приползу, а ты глянешь и убежишь, рыдая от ужаса?.. Знаешь, отдавай-ка ты мне моё задание назад, я передумала меняться. Поищу величайшую мастерицу, а ты – средство от невидимости Ребекки. Но награду поделим пополам, не грусти.

Дом михинских мастериц был просмолённой деревянной постройкой, похожей на корабль. Украшала его огромная деревянная Морская Змея. Покровительницей Гильдии Рукодельниц и всего Приводья считалось не само чудовище, а лишь её изображение. С трудом верилось, что гигантский монстр глубин способен желать добра и здоровья двуногим обитателям суши. Всё же о Змее ходили легенды, слагались песни, о встрече с ней у каждого рыбака, у каждой прачки имелась собственная история, объясняющая пропажу лодки, плохой улов, разорванные сети или рождение младенцев, непохожих на отца.

Кое-кто хвастался, что знает, как призвать чудовище, выпросить у него некий подарок или исполнение желания. Триста лет назад простой михинской семье довелось вынуть Змею из сетей. Дискуссия с монстром о размере награды спровоцировала страшнейшую со времён Сотворения бурю. А от чудесного домика на берегу, собственности несговорчивых михинцев, остался в назидание потомкам лишь обод от бадьи для стирки. Штиллер попробовал рассказать приятелям поэтический вариант легенды, где жена требует от Змеи новых и новых даров, пока чудовище не поворачивает время вспять. Но Бретте такая сказка не понравилась.

Брехня! Чтоб две ведьмы – да не договорились!

– Вполне, – мрачно отозвалась Зюсска.

Вязальщица при дневном свете представляла собой замечательное зрелище. Она оказалась невысокой, темноволосой, с узким загорелым лицом, выражающим охотнее всего презрение или насмешку. Её платье до пят и широкую, тёплую безо всякого меха накидку с капюшоном покрывали тончайшим образом вывязанные картины – люди, животные, рыбы, растения и демоны. Одежду Зюсски хотелось читать, как книгу. Когда хозяйка разноцветной роскоши двигалась, создавалась иллюзия, что узор оживает. Например, отряд королевских гвардейцев на плече то и дело норовил свалиться в воду широкого сине-зелёного рукава. Рыцари выглядели мокрыми и угрюмыми.

По пути в гильдию ключник не встретил ни одного старжила. С сухим традиционным приветствием проносились мимо всадники-незнакомцы. Это бесило, как камешек в сапоге. Родина, подобно ревнивой молодке, дулась из-за измены. А может, народ сторонился пешеходов с карманами, полными гоблинской мелочи, которую то и дело приходилось собирать, гоняясь за нею по мостовой.

Когда Рен пинком отправил в полёт щёточку для мытья узкогорлых бутылок, тянущую к нему свои робкие ворсинки, Зюсска удивительным образом поняла причину его раздражения.

– Друзья детства дома сидят, встречать не выходят?

Ключник махнул рукой, будто воспоминания были гобли-

нами, и их можно было обратить в бегство.

– Какое детство в Михине! – заступилась Бретта. – Тут малышам в колыбели молоток дают, удочку или клубок ниток, как повезёт.

– Мои друзья-одногодки... С ними несчастье случилось, – невыразительно произнёс Рен. – Под воду ушли.

И больше ничего говорить не стал, как ни просили.

В дверь Дома мастериц пришлось долго стучать. Зюсска, сперва нацепившая шляпу-невидимку, подарок Ребекки, теперь стащила её с головы, утверждая, что «не идёт». «Да тебя ведь не видно!» – яростно шептала Бретта. «Безглазому ясно, что она к платью не подходит!» Наконец, в пузе исполинской змеи отворилась дверь. Гостям навстречу выглянула статная тётушка в предписанном бело-коричневом, пожертвовавшая молодостью в пользу авторитета.

– Зюсска Заноза! – торжественно произнесла мастерица, внимательно глядя на вязальщицу, пытающуюся скрыться за спиной Треан. – Вернулась в дом, жильцам которого ты на прощанье пожелала прирасти задами к лавкам и вязать исключительно мешки под компост. Приблизительно так, некоторые слова я, к счастью, позабыла. Хочешь что-нибудь добавить? Как насчёт осознания простой правды, что одежда должна согревать в холода и придавать хозяину достойный вид?

– По мне, пусть придаёт, – ошетинилась вязальщица. – А

ещё пугает, сражается вместе с хозяином, убивает, защищает, скрывает намерения, вводит в заблуждение, зачаровывает... Ну, приятно было увидеть, что вы здоровы да при делах, – Зюсска отступила на шаг.

Тут уж Штиллер не утерпел. Не своим голосом, охрипнув от волнения, он выкрикнул:

– Тётя Агнисса, неужто не узнаете? Арвидов сын, Рен. А они – мои друзья!

И помогло. Матушка Дома мастериц, двоюродная тётка Штиллера, поманила гостей (Зюсску тоже) в зал с панно и гобеленами на стенах, изображающими Морскую Змею – чаще всего, в анфас, со строгим и укоризненным взглядом. На некоторых шедеврах монстр имел человеческое лицо, на других сопровождался свитой из белых уклеек. Такие ковры-картины обладали собственным могуществом: лечили, приносили удачу. Страдающему ночными страхами, например, советовали класть подушечку с вышитой Змеёй под кровать. Бесталанные поварихи ставили на кухню яшмовую змейку. Крикливым младенцам клали «зелёный глазок» в колыбель. Словом, иметь дома изображение морской покровительницы было предпочтительней, чем саму Змею.

Гости пили тёплый ягодный кисель. Штиллер густое пойло в детстве ненавидел, а теперь просил третью чашку и клялся, что ничего вкуснее не пивал, причём не кривил душой. Ключнику пришлось выслушать новости последних лет о родивших, заболевших, умерших, отправившихся в стран-

ствия, привезших самых невообразимых невест, разорившихся или разбогатевших. О себе рассказать не получилось: подруга матери спросила только мимоходом, не ищет ли Рен дверь на Остров. Нет, и даже не думал.

– От тебя гоблинами несёт, от всех вас, – подвела неожиданный итог мастерица и обвела гостей внимательным, строгим взглядом. – Нечего с гоблинами водиться. Они хоть и миленькие, но себе на уме. Коварный народец... – женщина отставила чашку. – Так что за поручение у тебя от мастера Ю?

– Мне бы поговорить с лучшей вязальщицей.

– Говори со мной, я весьма неплоха, – матушка, как ей казалось, скромно, а на самом деле чрезвычайно самодовольно расправила юбку с замысловатым узором.

– Тётушка! – решился Рен после паузы, во время которой выражение лица рукодельницы приобрело опасное выражение, означающее: «Сейчас я кому-то что-то свяжу – до смерти не развяжет». – Мне бы самую лучшую, какая есть.

– Ах, её, из этих!.. – матушка со вздохом поднялась на ноги. – Они у Морской Змеи в работницах.

– Вот, – показала Агнисса, отодвинув пушистый ковёр, крышку потайной двери в полу. – Здесь вход в затонувший Храм... А тебя куда несёт? Совершенно неясно, – матушка свирепо ткнула пальцем в воздух перед ловко увернувшейся Зюсской.

– Раз Великая Мастерница – не матушка Розвитха, да и вообще никто из вашей банды, – шельмовски ухмыльнулась ведьма, почёсывая кончик носа, – тогда у меня к ней тоже дело найдётся. И наёмным помогу, они в вязании не смыслят, крючка от спицы не отличат.

– Скажи уж честно, они запасами делятся, а у тебя живот подвело, – ехидно возразила матушка. – А мне что? Ступайте. На новолуние девки вас выволокут и у причала по обряду похоронят. Перед памятью матери твоей, Рен, аж... – тётка прижала руки к желудку.

Потом продолжила деловито, как ни в чём не бывало.

– Вода глубже станет – Змею призывайте. Тут её место, волшебное, дышать и ясно видеть научит. Холодно там, много сил отдать придётся. Рыб и нечистую мелюзгу обходите стороной, а неживых и подавно. Мост встретится... – мастерница остановилась. Рен подумал, что та вспоминает дорогу, но приглядевшись, понял: тётка без памяти от страха и молчит, не желая выдать себя стуком зубов. – За ним ждёт Страж. Он вас или... Ну, или дальше проводит, в «тихую заводь». Это уже Храм. Там задерживаться надолго тоже не стоит.

– О! Можно забыть, зачем пришёл, и остаться навсегда? – прошептала Треан.

– Нет. Закончишься, всю себя растратишь. Огрызок уцелее, «злая машенька», рыбаков под воду тянуть да воспоминаниями мучаться.

– А возвращаются оттуда? – спросила предусмотрительная Бретта.

– Розвитха – «по собственным следам», так она говорит. Других провожают монахини, кто их не боится. Некоторые пропадали поначалу, но потом наши сообразили, как оттуда, из сырости да среди нежити, обратную дорогу находить. И вы поймёте: чай, не катуны. Я буду Змею просить, чтобы вас помиловала.

Матушка, охая, приволокла и спустила вниз деревянную лестницу. Если мастерицы пользовались только ею, значит, их вальяжная неповоротливость была наигранной. Зюсска с Бреттой почти одновременно соскочили с края земляного «колодца» в глубину. Штиллер спустился по ступенькам. Треан осталась наверху.

– Никак? – сочувственно донеслось снизу, из темноты.

Треан замотала головой, разбрызгивая слёзки.

– Ох, горе мне с вами, недогадливыми! – Агнисса покачала головой. – Шляпку-спрятку ей наденьте. Зюсске она точно не идёт, а вот этой девочке...

Путь к затопленному Храму оказался довольно необычной прогулкой.

Изрядно нервировали большие рыбы, дефилирующие над головой, как тучи, и стайки маленьких, нахально прошмыгивающих прямо под носом. Изобилие вещей и существ над головой вызывало беспокойство, но можно было привыкнуть, когда становилось ясно, что те не падают. Чтобы холод не мешал, приходилось поработать, погонять внутренних шушунов. Тишину то и дело разрывали непонятные гулкие звуки разной высоты, будто бы неподалёку переругивалось два семейства морских слонов. Прохладные и ледяные течения, чередуясь, помогали выбрать нужную высоту и балансировать, продвигаясь вперёд.

Мысль о Змее не требовала полного сосредоточения. Чтобы не захлебнуться, достаточно было время от времени вспоминать михинские гобелены. Штиллер не дышал, а потому разницы не заметил, пока по привычке не попытался «быть человеком». Вода затекла ему даже в уши, и он раздражённо пообещал себе больше человеком не быть.

Двигаться приходилось, аккуратно отталкиваясь от дна, помогая руками, головой и даже бортами куртки. Лучше и быстрее всех фокус освоила Зюсска. Она парила в двух локтях от дна, хлопая краями накидки, как плавниками. Бретта

неслась над камнями, словно на невидимой нити, около неё бились небольшие водовороты. Штиллер отставал и старался не перекувырнуться. Местоположение Треан угадывалось по взбаламученному потоку позади. Наёмнице удалось на время нейтрализовать своё проклятье. Значит, оповестить друзей о надвигающейся опасности стало некому. И не стоило забывать о загадочном Отике, творящем поблизости беззаконие.

Констант Понедельник назвал бы такую ситуацию «субоптимальной».

Команда находилась на дне рукотворного канала со стенами из песчанника и дном, выложенным мозаикой, в бахроме светящихся водорослей. Зюсску с оружием в обеих руках не атаковали даже большие зубастые рыбы-львы и крайне непредсказуемый молодняк морских буйволов. Более крупным чудовищам было бы здесь, очевидно, тесно. Пришлось проплыть между бурыми сваями, опорами ратуши, Купеческого дома, рыбацкого причала. Тогда вода темнела, как аметист, погружённый в красное вино. Затем солнце снова роняло в глубину свои искры, но реже и реже. Смеркалось, хотя команда совсем недавно вышла в путь и никто даже не проголодался. Держались вместе и плыли медленно, словно во сне. На пути стали попадаться утопленники.

То были человеческие существа с размытыми лицами, замершие в воде, точно пойманные невидимой сетью. У

большинства – голые черепа, волосы давно съедены маленькой корюшкой, именуемой за её избирательную прожорливость «рыба-цирюльник». Самые раздутые утопленники равнодушно парили в высоте, у поверхности, где их могли обнаружить, вынуть и похоронить по обряду. Остальные внимательно наблюдали, приближаясь незаметно. Как в детской игре, в которой запрещено шевелиться, когда на тебя смотрят, а выигрывает тот, кто незаметно подкрадётся и схватит. Мертвецов становилось больше, вскоре отряд окружал целый эскорт. Неясно было, какой вред им способна нанести сталь.

«Эх, руны отвращения же!» – тоскливо подумал Штиллер, и тут же в висках раздался голос Бретты: «Что за руны?» – Горрин советовал втравить в лезвие меча руны отвращения, – ключник изумился внезапно прорезавшемуся кошачьему дару, но понял: это ещё один урок Морской Змеи. Интересно, сможет ли он так на суше? Наверняка, нет.

– Фигуры ночеградские, напоминают покойничкам, что они померли, – равнодушно откликнулась Зюсска. – Вроде расписки долговой. А чего не втравил, если плотвы хватало?

«Заточку испортил бы», – хотел ответить Рен, но не решился.

– Не особо и помогло бы, – заметила вязальщица, не дождавшись ответа. – Ты глянь на рожи синие. Какие уж там приличия, какая расплата за долги...

Тут один из трупов разинул чёрный рот и протянул длин-

ную мосластую руку, растопыбив пальцы. Рванина плоти, растерзанной рыбами, вяло оведала кость. Из пустой глазницы выглянула любопытная головка маленького живого угря. Мечи вспороли воду, рука мертвеца медленно упала на дно. А сам утопленник отпрянул, скрылся за спинами других, поспешно занявших его место.

– Вода мп... мбешает, – пробормотала Зюсска вслух и захлебнулась, схватилась за горло, и стоя немертвых хищников вокруг неё снова потянула руки. Бретта швырнула горсть лезвий: большей частью промахнулась, несколько штук застряло в коже утопленников. Но ни капли крови не показалось из ран, ни один не отступил.

Рен схватил полубесчувственную девушку за плечи, повернул к себе, отшвырнул ласкающие её плечо ледяные пальцы и крикнул – нет, подумал: «Морская Змея!» Зюсска заморгала, приходя в себя, подхватила ускользящий из ладони мечик, оттолкнула Штиллера и – полетели кости!

Товарищи продвигались вперёд быстро, как только могли. Штиллер убедился, что даже прикосновение его Сепаратора заставляет тварей прилечь на дно, и это было по-настоящему прекрасно! Бретта, заметив, что от её оружия никакого толку, раздавала тычки подвернувшимся под руку длинным ребром неизвестного зверя. Вдруг у одного из противников оторвалась голова – слетела с плеч, как пробка с бутылки перебродившего сидра. За ней последовала вторая, третья.

– Мбост! – проорала Зюсска, оскалив зубы. И потом сно-

ва, уже не глотая воду, – Мост! Огонь!

И правда, за каменным мостом без перил, куда поднималось дно подводной галереи, что-то горело прямо в воде, дым поднимался выющим белым столбом.

– Так не бывает, – устало подумал Штиллер. Никто и не возразил, – Мост под водой – пожалуйста, рыбам удобнее ходить друг к другу в гости. Но огонь? Бред! А если пожар? Чем тушить? – и его безумная составляющая, некий Финн Биццаро, оглушительно захохотал в ключниковом черепе.

Странный экземпляр подводной архитектуры приближался. Штиллеру захотелось посмотреть, что там, под мостом, но тут преследователи удвоили натиск. Над Бреттой кружилось пугающее красноватое облачко, Зюсска плыла, скорчившись, прижав ладонь к левому боку. Ключнику до сих пор сказочно везло: пара-тройка царапин, больше ничего. Бестии несли гораздо более значительные потери. Головы валялись с плеч. Лапы, зубы и кости устилали дно. Наконец, приятели ворвались на мост. Твари отступили.

– Может, и необязательно было их убивать, – спокойно, не задыхаясь, подобно остальным, заметила Треан. И снова вызвала короткое смятение. Не то, чтобы о ней забыли. Скорее, думали, что та сидит под корягой, ждет, что явятся и спасут. Наёмница на мгновение приподняла шляпу-спрятку над белокурой головкой, помахала, сотворив маленький водоворот, и снова скрылась под замечательным подарком Ре-

бекки.

– А что было делать, еремайскую польку с тухляками плясать? – проворчала Зюсска, рассматривая укусы.

– Плясать вряд ли, – усомнилась Треан. – А пожалеть... что ли? Всё-таки люди.

– Были, – поправил Рен наставительно, с уверенностью, которой не испытывал. – Как бы с ними ни поступать, ошибиться уже невозможно. И кусались...

– Сперва вы их погнали железом своим!

– Пошло, как под столом у мамки: кто первый начал! Они меня трогали, – напомнила Зюсска.

– Потому и мне их пришлось. Но противно было головы отрывать! Н-да, ничего лучше я просто придумать не успела.

После небольшой паузы (по воде понимание распространилось, видимо, тоже с задержкой), народ окружил Треан поздравлениями, выражениями восторга – настолько, насколько эмоции можно выразить мычанием.

– Удавку я вам попозже покажу, – отвечала наёмница всем, кто мучался вопросом «шушун задери, но КАК?..» – Душить Горрин научил. Думала, не пригодится. О! Раньше, когда убегала, хотелось остаться и убивать врагов спиной к спине с товарищами.

– А как дошло до дела, не понравилось, – с легчайшей ноткой ехидства, закончила за невидимку Зюсска.

– Не очень. Хотелось бы гордиться, но не получается.

– Стыдиться тоже не стоит, – ответил им чужой голос.

Наёмники обернулись и увидели на другой стороне моста, на том месте, где горел огонь, телепата, отвечающего им. Издалека незнакомец напоминал заурядного михинского рыбака в простой парке из непромокаемых кож морского буйвола. Лицо Стража оставалось в тени широкого капюшона.

– Если вы шли сюда не только, чтобы сразиться с водяными, то вам придётся перейти мост. На той стороне больше ничего нет, – заверил голос, полный спокойной иронии и непонятной, но ощутимой силы. Друзья двинулись навстречу. Штиллер задержался, чтобы бросить взгляд через перила.

– Не надо, – быстро и очень убедительно попросил рыбак. Ключник, приготовившийся сделать шаг, сразу передумал. Не произнося ни слова, друзья перешли мост, страдая от ощущения, что совершают непоправимое. Первой сбросила с себя оцепенение Зюсска.

– Моё почтение! – не слишком уважительным тоном обратилась она. – Здесь Храм? Нам бы со жрицами побеседовать.

– Со всеми сразу? – удивился рыбак. – Провожу.

И неторопливо поплыл прочь от моста вглубь сумрачного подводного грота.

– Что же тут горело? – тихонько спросил Штиллер, стараясь сделать сообщение максимально личным, направленным Бретте.

– Не беспокойтесь, – ответил телепат издалека. – Это я.

Пещера заканчивалась у ворот высокого здания, красота которого очаровывала даже при скудном освещении. Храм погрузился на дно недавно, вода не успела придать его постройке сколько-нибудь существенных перемен. Он казался огромной шкатулкой с сокровищами, выброшенной из терпящего бедствие корабля. От обветшания колонны и ступени, старомирскую древесину, хранило нечто более могущественное, чем смола и глина. Фасад украшали резные рельефы разнообразных змей: крылатых, многоголовых, танцующих, с жертвами в зубах, смешных змей с выпуклыми чревами, в очертаниях которых легко угадывались съеденные звери.

– Согласно легенде, человечество прибыло сюда, спасаясь из гибнущего Старого Мира в чреве стальной Морской Змеи. Людей долго пришлось уговаривать выглянуть наружу, – с легкой улыбкой поведал Страж и остановился напротив двери. – Заперто! – искусственно удивился он.

Рену трюк показался нелепым. Тем не менее, он вышел вперёд и, почти не прилагая усилий, отворил дверь ключом Рей-Мо – воровским инструментом, уговаривающим дом считать входящего хозяином, а не гостем. Проводник и бровью не повёл. Неясно, зачем задумывалось представление: проще было бы вплыть в окно... Но если тот специально испытывал ключника, какой же он сделал вывод?

– Утопленники-стражи никогда не причиняют больше вреда, чем получили сами, – сказал телепат, стоя в дверном проёме. – Да, прикосновения весьма неприятны, а удержаться им нелегко. Мастерницы и монахини уворачиваются. Но каждой из них вначале пришлось провести долгие часы на дне в объятиях утопленников. Не могу упрекнуть вас в том, что вы воспользовались более радикальным решением, чтобы очистить путь.

– Как вас называть прикажете, господин? – вздрогнув от отвращения, спросила Бретта.

– Я не господин, а здешний смотритель, – поправил он. И вдруг сообщил ни с того, ни с сего:

– Вёлль Маленький, когда создавал мир, работал над такой масштабной штукой впервые, не на чем было руку набить, вот и получилось это дурное место.

– Есть и похуже, – нетерпеливо заверила Зюсска, не решаясь оттолкнуть разболтавшегося Стража и вступить, наконец, в Храм.

– Согласен. Но поставить бы сторожа сюда с самого начала – не переполнилось бы, не затонуло бы.

– Чем же... – Штиллеру показалось, что он знает ответ на свой вопрос, но задать его было необходимо. – Чем же полон Храм?

Смотритель обернулся, и Рен не вскрикнул только потому, что сразу отказался верить тому, что увидел. Перед ним стоял его отец. Нет. Перед ним стоял некто похожий на отца.

– Старьём, вот чем, – ответил Страж. И пояснил: – Вёлль слишком поздно заметил, что уйти из нашего крошечного мира нельзя. И если тело можно сделать практически бессмертным, то дух, то есть, мыслящая личность, со временем слабеет, коснеет, теряет волю к развитию, к обучению новому, цепляется за привычный ежедневный ритуал, совершает меньше и меньше поступков. Тогда «время течёт слишком быстро», перемены начинают вызывать раздражение и ужас. Мысль, что жизнь прожил, но ничего запоминающегося, уникального не создал, уже не жжёт, как раскалённое железо. Человек охотно пользуется такими оправданиями, как гордость за потомство, благотворительность, воспоминания, аппетит, ненависть к чужакам, и другими иллюзиями. Дух глубже уходит в раковину плоти, стремясь только к покою, к созерцанию и наслаждению примитивными функциями тела. Пищеварением, испражнением. Реальность проносится мимо, как расшитый платок ярмарочной танцовщицы. Наступает час, когда даже дыхание становится слишком утомительным делом. Тогда состарившийся удаляется в Храм Морской Змеи. То же самое, кстати, происходит и со многими могущественными предметами. Словом, здесь заканчиваются пути.

– Все пути? – с ужасом переспросила невидимая Треан.

– О нет, – ничуть не удивился новому собеседнику смотритель, – конечно, не все. Можно ещё отправиться на Остров! Как ваш потерянный спутник Отик.

Сказать, что наёмников это потрясло, было бы недостаточно.

– Болван был на Острове! – проскрипела Бретта. – Я убью его. Сразу, как найду. Нет, сначала заставлю рассказать. А потом задушу. Во имя справедливости.

– Тогда не хочу вас задерживать, – усмехнулся Страж и отступил в сторону. – Чувствуйте себя, как дома, – он подмигнул смутившемуся ключнику, на мгновение ощутившему себя взломщиком. – Внутри может оказаться многолюдно – или нет. Просто идите дальше. Не нужно там никого убивать. На обратном пути буду ждать вас у моста. Чтобы пройти мимо, вам придётся назвать меня по имени.

Души и духи!

У каждого, как выяснилось, было собственное представление о них.

Штиллер, например, путал духов с добротной сработанной нежитью. Бретта в такую чушь не верила вообще: по её мнению, мёртвые становятся плодородной землёй вместе со всеми мыслями, добрыми и злыми. Треан помнила, как мастер Ю говорил в «Слепой рыбе», что некоторые люди (но не все) в конце пути обзаводятся душами. После смерти они целиком превращаются в некую мудрую сущность, «дух», способный давать советы живым. Такие навещают родню в обличье маленького зверька, а не в виде прозрачной тени, какими бабки пугают малышей в долгие зимние ночи.

Шутка! А может, притча. Наставник всё время рассказывает такие. Зюсска, когда ей надоели расспросами, высказалась, что никаких духов не видала, значит, и болтать о них нечего. А любителям поумничать, мол, своих кишок она тоже не видала ни разу – а они есть, был ответ: так и про кишки тоже болтать нечего.

Зал, через который плыли приятели, был удивительным образом полон и пуст одновременно. Они были единственными живыми существами здесь, и другие, чужие твари не

крутились под ногами, не шныряли по углам. В то же время присутствие множества людей ощущалось безошибочно, как солнечный свет через закрытые веки. Одна большая группа, кажется, отмечала праздник только для посвящённых. Время от времени в воздухе мелькал платок или кубок, слышались обрывки фраз, песнопений, звон колокола, тихий призрачный смех. Приходилось останавливаться, чтобы не сбить с ног спешащих по делам монашек. Те исчезали прежде, чем их удавалось рассмотреть. Зюсска бранилась сквозь зубы. Штиллер чувствовал себя слишком плотным, живым. Странствия над витыми лестницами, сквозь галереи, уводили дальше в глубину здания, кажущегося бесконечным.

Девушки спорили, не раскрывая ртов и наловчившись пускать пузыри для обозначения наиболее эмоциональных моментов.

– Если бы у нас были души, если бы мысли и чувства были сами по себе, тогда младенцы сразу умели бы говорить, старики не забывали бы имена внуков, а схлопотавший дубинкой по черепу не рисковал бы стать слабоумным! – горючилась Бретта.

– Все окна затворить – жилыцы из дома никуда не денутся, просто их видеть перестанут, понимаешь? – доносилось насмешливо из расходящегося потока воды, где проплывала Треан. – Другой пример: куда девается умение ходить у рыбака, которому рыба-лев ноги откусила? Или он и не мог никогда? Пришить ему новые ножки, и он опять побежит по...

– Не знаю, я не некромант, – Штиллер волнообразно помахал руками перед лицом, пытаясь изобразить только что виденных призрачных монашек. – А они – духи?

– Вроде обычные люди, просто по-другому. Ни мы к ним, ни они к нам.

– Блюб-блюб-блюб! – с угрюмой издевкой прокомментировала Зюсска.

Именно после замечания, ошибиться в смысле которого было невозможно, приятели увидели трёх вязальщиц.

В уютных плетёных креслах сидели женщины: высоченные, но тощие, со странными пропорциями: руки – гораздо длиннее, чем полагалось по росту, и гибкие пальцы в половину длины предплечья. Одеты все три были в рубахи до пят, в таких прачки полощут бельё в Запретных Водах. Но полы оставались неподоткнутыми: спастись от сырости смысла не имело. Первая вязала широкое полотно со сложным узором, стелющееся по воде, как чудовищный скат Мантия Левиафана. Вторая, сидящая пониже, распускала, разнимала петли, высвобождая нить. Третья сматывала нить в клубок, а когда тот достигал размера среднего кота, подкладывала его в деревянную чашу, из которой тянулась нить первой вязальщицы.

– Здоровья! – Зюсске дамы, судя по всему, с первого взгляда не понравились. – Здоровья, многоуважаемые, и многих лет! Не вы ли те самые волшебные мастерицы будете,

что наших матушек вязать учили? Нет? Ну, так я и думала, прощения просим... Пошли дальше.

– Погоди, – невидимая рука подёргала Занозу за рукав, мысли Треан «звучали» испуганно. – Осторожненько. Сёстры вяжут Полотно Бытия. Возьмут и тебе что-нибудь нехорошее смастерят...

– А распускают зачем? Или так Полотно Небытия делается?

– Проклятье, – медленно и значительно ответила сматывальщица нити.

– Давным-давно... – начала вязальщица. Зюсска застонала, не разжимая губ, повалилась на ступеньку и потянулась, зевая во весь рот.

Три сестры переглянулись странно. Как деревья в бурю.

– Раз не желаете слушать сказку с самого начала, тогда и рассказывать не станем. Почему мы вяжем, распускаем, сматываем? Когда оно закончится? – кто из троих вёл беседу, теперь было неясно, ни одна не пыталась произнести вслух ни слова, не двигалась, не смотрела. По-видимому, это не имело значения. – Ваш путь ведёт в логово Морской Змеи: спросите у неё.

– Надо помогать в беде, надо, – мысль Зюсски прямо-таки шла ко дну под тяжестью сарказма. – Вдруг и меня такая страшная беда настигнет: вяжу себе, вяжу, а кто-то под стулом сидит и распускает втихаря!

И тоном бесконечного участия Зюсска поинтересовалась:

– Вы, девушки, не пробовали средней сестрице другое поручение дать? Пусть чайку заварит али булок напечёт?

– Мы думали о таком решении, да, – отвечали серьёзно проклятые. – Но тогда ведь придётся распускать за сестру, работы прибавится. Да у неё и нить реже рвётся.

У Зюски появилось такое выражение, будто её из-за поворота хлестнули лещом.

– Ладно, – сдалась она. – Ещё какие-нибудь вопросы к Морской Змее? А то она обидится, что мы за такой ерундой пришли.

– Ответы, – произнесли вязальщицы насмешливо, а может, язвительно. Они были и вправду непонятными древними созданиями, да и проклятыми к тому же. – Когда получаешь их, не всегда понимаешь, что именно узнал. Спроси, как пропало королевство, оттого что в кузнице не было гвоздя, а от неброского узора на подоле погиб в огне целый город.

– Штиллер? Как – «не понимаешь, что узнаёшь»?

Ключник оглянулся на Бретту. Она выглядела озабоченной. После того, как Зюска, отчаявшись вникнуть в смысл загадки сестёр-вязальщиц, поплыла прочь, пуская пузыри ярости, приятелям ничего не оставалось, как вежливо проститься. Дамы, увлечённые работой, и голов не подняли, чтобы вслед посмотреть.

– Они – праматушки нашего мастерства?! – Зюска развернулась и подплыла к Штиллеру с видом «кто-то виноват,

значит, им будешь ты». – Вообще, тебе полагается злиться, а не мне. Как собираешься вытащить одну из бабенций наружу?

Рен, раздумывающий над вопросом Бретты, в замешательстве сбился с подводного шага.

– Зачем? – изумился он. – Я на ней королевской медали лучшей рукодельницы не замечал.

Зюсска повращала бирюзовыми глазами.

– Эй, тётки, может, выдумали вязание. Или даже сами нитки! Кроме шуток, большинство гобеленов из подводной жизни в Гильдии – их рук дело... А для чего тебе, кстати? У мастера Ю портки зимние прохудились?

– Дорогой заказ, – объяснил Штиллер. – Король женится, молодые наденут наряды от лучшей рукодельницы Приводья. Кружево, платье, фату, что ещё носят?.. Невеста гостит у Амао, Дракон платит – и мне в том числе.

Вязальщица улыбнулась, попыталась похлопать ключника по плечу. В воде ожидаемого звука не получилось, но Зюсске удалось передать хлопок мыслью не хуже настоящего кота.

– Удачи тебе! – сочувственно произнесла она. – Рада бы помочь. Вы приличная компания, не разбойники какие. Я уж с кем только в дороге хлеб не делила! Но занять место одной из полоумных баб, пусть даже на время? Бр-р!

Штиллер хотел изумлённо возразить: вроде бы, никто и не просил о таком самопожертвовании. Но прикусил язык. В телепатическом исполнении – наступил себе на собствен-

ную мысль. Вот, подумал он, пример того случая, когда все слышат одно и то же, но получают разный урок. И посмотрев на нахмурившуюся Бретту, объяснил:

– Представь себе: идёшь мимо королевского дворца и видишь в окошко, как его величество обратился в жабу. А на следующий день по дороге к булочнику, остановившись в толпе на рынке, слышишь объявление глашатая, что Король – та-дам! – стал...

– Жабой?

– Угадала. Что нового тебе известно *теперь*?

– Про кузницу и гвоздь даже спрашивать не буду, – угрюмо прокомментировала наёмница и, прибавив шагу, оставила ключника позади.

Наёмники обошли весь первый этаж Храма, отыскивали множество замечательных вещей из дальних уголков Приводья: драгоценности, редкости и диковинки, посвящённые Морской Змее. То и дело казалось, что хозяйка поджидает незваных гостей, свернувшись в темноте. Или того хуже: висит, слившись с рисунком купола. Лениво наблюдает, как её сокровища рассматривают, гадают, зачем ей то или другое, строят непристойные предположения, абсурдные с точки зрения змеиной анатомии.

Наконец, узкая лестница привела приятелей на чердак. Там обнаружили странные механизмы из металла. Штиллеру удалось привести в действие один из них. Ключник по-

вернул кристалл в основании массивной серебристой трубы – и тёмно-зелёная вода в окне осветилась потрясающе правдоподобным лунным светом. В волнах показался нежный, дрожащий рогатый месяц.

Затем они нашли в углу полумёртвого Отика.

Тому изрядно досталось. Неясно, с кем потенциальный наёмник сражался в заколдованном месте. Мастер Ю утверждал: был бы нож, а враг найдётся. Запасливая Бретта хмуро намотала Отику заживляющие повязки на самые скверные раны. У неё оставалась ещё пара штук, большая часть потрачена была уже на Зюсскин бок и собственную лодыжку.

– Жаль хорошую вещь, – доверительно пробулькала Бретта в лицо Отику, приоткрывшему страдающий глаз. – Поумнел, когда лбом лёд проломил? Нашёл... Йетту?

– Если и видел, – скривился раненый, – то не узнал. Больше не помню.

Он приподнялся и сел. Остальные глядели недовольно, но с интересом.

– Я Хуго Келен, – сказал «Отик». – Заданию уже два года. Никто из ваших не брался за грабёж Храма, больше ждать я не мог.

– Погоди-ка, погоди, – Бретта зажмурила один глаз, и выставила зуб, будто собралась пообедать собеседником (не вполне конвенциональная практика, но в Городе Ночь, например, нередкая). – Два года назад ты был младенец... Не младенец, так сопливый подмастерье. Бред, тебя в твои

одиннадцать разве что подметать бы взяли. Или в двенадцать? Чтоб обратиться в нашу гильдию, нужен солидный залог...

– Мне шестьдесят восемь лет, – сообщил прыщавый, мо-
сластый Келен. – Йетта – моя жена. Я был на Острове и там
потерял всё.

И он продемонстрировал приятелям настоящие преимуще-
ства телепатии. Коты бы ему поаплодировали. Уже в сле-
дующее мгновение спутники Келена знали, что...

Коренной еремаец, архивариус-учётчик рыб и монстров Запретных Вод, он проводил дни по колено в воде или в лодке, ночи – над пергаментами. Зарисовывал рыбы плавники, благородные профили угрей, переводил на человеческий изящные лимерики каракатиц. Твари Вод были его страстью до преклонных лет, делом всей жизни. В столице удалось заинтересовать исследованиями многих коллег-рыбоведов. Написал две книжки о способах приручения морских ежей. И вдруг случилось чудо. Он влюбился.

Как малёк безголовый, в совсем юную девочку. Хуго повезло в тот день встретить «пенную лошадь», легендарное полудемоническое создание, которое оппоненты в научных кругах считали выдумкой. Дивное существо выпрыгнуло из воды – сияющее, как свеча, видение. Промчалось галопом мимо, потопив ему лодку. Мокрый и совершенно счастливый, выбрался он, задыхаясь и хохоча, на берег, и увидел Йетту. Она ещё имени не назвала, а уже повисла на шее. Сиротку воспитывали дальние родственники-мельники, родители сгорели вместе с Лиодом. Семейство строгих правил стало запирасть племянницу. Постепенно настроило против ухажёра соседей. Тут как раз случилась сапфировая чума, сожравшая сбережения горожан, да и сети приносили лишь утопленников. Беды за которыми неизбежно следовал поиск

и наказание «виновных».

Архивариуса объявили чернокнижником, не пускали ни в одну таверну, плевали вслед. Йетта сбегала от суровой тётки, чтобы с любимым мечтать о домике с садом в Амао или даже в столице, хотя дальше Невера не бывала. Вскоре известные особенности её самочувствия навели его, старого дурака, на мысль, которая, по-хорошему-то, должна была посетить значительно раньше. В полном смятении он отправился в Лена Игел. Ему хотелось сперва напиться – а потом уж идти с повинной в семью мельников, умолять, добровольно вывалиться в смоле и перьях.

В «Слепой рыбе» оказалось слишкомлюдно. Ноги понесли Келена по ночному городу. Опомнился он в «Маяке». Там около полуночи уже почти не было посетителей. Но хозяин любезно предложил вина и партию в кости. Рыбовед согласился, и ему повезло.

Сумасшедшая полоса удачи! Ещё и не рассвело, а у него в карманах оказалось достаточно плотвы, чтобы купить домик на берегу в Забуролесье. Там Йетта могла бы спокойно родить, и никто не задавал бы нехороших вопросов. Например: «Не тяжело ли бабушке держать внука?»

Хуго уже вставал из-за стола. Тогда хозяин, некий Родигер, предложил в качестве ставки отправить удачливого противника на Остров. И обратно.

Кто же отказывается от такого? Келен, как всякий учёный, искал путь на Остров, но не был уверен, что хочет по-

пасть туда. В конце концов, никто из вернувшихся не рассказывал, что там хорошего. В голове у гостя трубили пьяные морские коньки, враги логических выводов. «Может быть, не всем стоит стремиться на Остров, – добродушно произнёс Родигер. – Но... Не пожалеете?»

Соглашусь или нет, пожалею в любом случае, думал учёный. Но ловушка уже захлопнулась. От возможности узнать не отказываются.

Он отправился на Остров.

От путешествия у Келена не осталось никаких воспоминаний. Чары Острова сделали его ровесником возлюбленной. Точнее, он взял из сокровищницы молодости даже слишком много: Йетта могла оказаться на год-другой старше. Келен стал лучшим колдуном, чем был. Жителям одного уютного домика за Бурым Лесом стоило только увидеть его у калитки, – и те сразу засобирались прочь. Через некоторое время память стала возвращаться – отрывками, бессмысленными клочками. Он узнал, что прежнее имя его – не Келен. Что в Еремайе не знают, куда подевалась Йетта. И даже в доме мельников жили приезжие, неверцы.

Через кота он обратился к жрицам Храма Морской Змеи, принимающим роды и ведущим записи о семьях в Приводье. Нашлась запись о рождении младенца мужского пола, но обязательная пометка, в какой день роженица покинула Храм, отсутствовала. Значит, Йетта так и осталась в Храме.

Превратилась в «морскую монашку» без прошлого, без воспоминаний.

Хуго сделал заказ мастеру Ю, стал ждать. Ошибка! Чем больше проходило времени, тем мизернее казался шанс разыскать прежнюю жизнь. Он нашёл свои книги в лавке Константа Понедельника, но ничего в них не понял. Учёт рыб казался ему теперь бессмысленным занятием. Ни силы не было в нём, ни величия. Имя автора на обложке – Фауст – звучало нелепо, по-старомирски. Он решил остаться Келеном. А Йетта...

– Не Йетта. Бретта.

Друзья переглянулись – и вышли, оставив двоих поговорить без помех.

Спускаясь по лестнице, погружённый в невесёлые мысли, Штиллер позвал:

– Треан? Ты здесь?

– О! Приятно, что ты обо мне подумал, – послышался насмешливый голосок невидимки. На мгновение приподнялась шляпа-спрятка. Ключник успел заметить только весёлые глаза, кудряшки и спокойную улыбку. Рен обрадовался. Ему доводилось видеть девушку испуганной, печальной, рыдающей в приступе самоуничтожения. Или всецело поглощённой обожанием их наставника. Подводная Треан к той, прежней, не имела никакого отношения.

– Невидимость тебе к лицу, – ляпнул ключник, и сам

ужаснулся тому, что сказал. Но наёмница лишь расхохоталась. Стайка пёстрых рыбёшек у её лица прыснула в разные стороны.

– Штиллер, злодея кусок, пора бы тебе прикупить галантности на Рыбном Базаре! Невидимая, но вполне осязаемая ладонь обхватила шею ключника – и сразу отпустила, прежде чем он успел вспомнить о таинственной удавке и слегка встревожиться.

– Я хотел сказать... Ты не прячешься... – пояснил он невидимке. И почувствовал себя полнейшим дураком.

– Вот именно, – наёмницу развеселили сомнения ключника. – Жалко, что мы раньше не встретились, я и Шляпа!

– Совет да любовь, – проворковала ехидная Зюсска.

– Девочкам полезна невидимость, – убеждённо заявила Треан, не обращая внимания на иронию.

– Чепуховина, – Зюсска самодовольно оглядела свой продуманный наряд, подобрала подол и перекинула косички за плечи.

Из пустоты послышался вздох, гроздь пузырей устремилась вверх.

– Иногда, время от времени! Наёмниц и так не слишком внимательно рассматривают, конечно: с гильдией не ссорятся даже идиоты. Но, даже если знаешь, что всякие скользкие типы из переулков не потащатся за тобой, всё равно получишь этакий взгляд пониже спины или прилетит вслед известное словечко на гномьем, которого бы лучше и не рас-

слышать...

Девушки немножко поспорили о незаметности.

– Стащить котлетку с вилки у Короля! – предлагала Треан.

– Воровство и мелкие пакости, – отмахивалась вязальщица. – Незаметно в чужом добре шариться... Уж больно картинка неприглядная, хоть её никто и не видит.

– Хорошо, а свобода? Не тратишь магию на пустяки вроде подцветки глаз, в шкафу всегда есть, что надеть. Но одежке тебя не встречают, а по скорости отлёта злодейских голов. И почесать, скажем, в носу по ходу представления – не проблема. Ребекка-трактирщица, я уверена, своё волшебство ни на что не променяла бы.

– Но сам-то от себя не отвернёшься! Я, знаешь, в лесу выросла, и дядьки-лесорубы совсем не в ночеградском бархате ходили, никто особенно ни к кому не присматривался. Но без штанов ни один не разгуливал, не пакостил, в сапоги червей без повода не совал.

– А ещё удобно, – не сдавалась Треан, – работать под носом у чудовищ. Те чувят, бесятся, рычат, а поймать не могут.

Зюсска как раз добралась до «зала подношений» и остановилась: место показалось странно незнакомым. А ведь они перед тем, как подняться на чердак, рассмотрели здесь каждый угол.

– А поймать, значит, не могут... – повторила мастерица, явно думая о другом. – Здорово, конечно, но при чём тут именно девочки? Вот, чего я никак не пойму... И ещё одно-

го. Куда мы забрели?

Здесь было совсем другое, нехорошее место. Серая, мутная вода, поросшие песчаником и ракушками стены. Мозаика пола распадалась, утрачивала узор, соскальзывала в глубокую подводную долину под панцирем скалы. А на дне, в полумраке сонно покачивалось в медленном потоке нечто плотное, далёкое, состоящее из множества колеблющихся фрагментов.

– Змея? – прошептал Штиллер.

– Скорее уж, черепаха, – слышалось выше и дальше. Треан поплыла смотреть.

– Или черепашьё семейство...

Вдруг тот же голос наёмницы раздался *из-за спины* Зюски.

– О! Нет. Не пойдём туда, хорошо?

Поздно. Сильный, неведь откуда взявшийся поток, подобно ладони небрежной хозяйки, что сметает крошки со стола, снёс Штиллера и Зюску с порога, закружил и повлёк по длинной дуге всё ближе к твари или причудливому подводному растению. Из карманов посыпались гоблины: пищащие мочёные бублики, солонки, перечницы и глиняные кружечки. Тварюшки поражали своим конспираторскими талантами: безо всяких мистических шляп оставались незамеченными. И чем они издавали свои непереносимые вопли?! Гоблины быстро опередили неповоротливых в во-

де наёмников. Штиллер оторопело проводил взглядом монетку в полплотвы, которую проглотила шипастая полупрозрачная рыба. В желудке её волнообразно перекатывалась небольшая, но впечатляющая сокровищница: три «кости», кольцо с камнем и частично переваренный шушун.

Поток пронёс приятелей над загадочной массой. То, что казалось издалека гигантским морским монстром, представляло собой кучу оружия, сохранившего даже под водой свой блеск и остроту клинков. Ещё валялись там скелеты рыб, птиц, животных и рыбаков, лодки и сети. Что было спрятано или потеряно в Запретных Водах, нашло свой путь сюда, улеглось на кость и железо, обняло более древние находки, обросло ракушками да травой и уснуло чутким, тревожным сном. В глубокой таинственной дрёме чудовище росло, призывая к себе гоблинов-обитателей суши.

Вещи из трактира воспользовались наёмниками, как блохи, отправляющиеся на попутной крысе навестить родичей в соседнем городе. В гигантском подводном рое водились невообразимо древние гоблины, знакомые ещё с Вёллем Маленьким. Посещение этого места для оживших предметов было, вероятно, как для людей – паломничество в Храм Морской Змеи. Или визит в «Книгу судьбы». Там тоже в обманчивом покое дремала старина.

Но через мгновение всякое сходство с мирным книжным кладбищем пропало. Десятки пустоглазых призраков тварей,

что сдохли во славу Левиафана в последней Запретноводной Войне, поднялись с гигантской мусорной кучи, оскалившись или сжимая в кистях-плавниках короткие копыта и ножи. Рен выхватил Сепаратор. Зюсска давно уже держала Слоновью Память – свой меч-полуторник – наизготовку. Рен нырнул под вращающийся клинок и отрубил противнику, меняющему цвет из белёсого в тёмно-коричневый, две из шести змееобразных ног. Шершавый плавник врага содрал ему изрядный кусок кожи под ухом. Соль обожгла свежую рану, заставила держать голову под неудобнейшим углом, а врагу потеря конечностей не доставляла неудобства. Более того, присмотревшись, ключник убедился, что все части у чудовища вновь на своих местах.

Тогда Рен, отчаянно молотя ногами по рогатому клюву монстра, бросил меч, мысленно попросив прощения у Горрина-оружейника. Ящер не ответил, что было совсем неплохо – Штиллер мог себе представить его ответ. Не теряя времени, Рен выудил из сумки нож-ключ Хоффхарда, нашёл поблизости подходящую подводную скалу. Зюсска удачно метнулась поближе: она только что зарубила двоих, но обнаружила, что и её замечательная сталь призрачным аксолотлям не вредит.

– Бесчестное фехтование! – упрекнул ключник ненавидящую морду чудовища, дёрнул Зюсску за рукав, и они провалились в раскрытую Штиллером дверь.

Задумывалось вернуться в зал со змеиными трофеями, но

оба оказались в той же мутной, кишасей рыбами-оборотнями воде, только ближе к лестнице, по которой вошли. Твари, следящие за чужаками неподвижными тёмными глазами, ринулись следом. В кое-каких пастях сидели клыки совершенно неправдоподобные, которые просто не поместились бы внутри, не пробив верхнюю челюсть хозяина. Ключник устало пожелал им сожрать самих себя и снова отворил дверь, втащив упирающуюся вязальщицу следом. «Вот откуда пришёл Отик!» – во внезапном озарении подумал Рен.

И оказался на вершине рукотворного свода. Чудовищный склад немертвого мяса и злобной стали кишел над ними. Зюсска и Рен покинули Тупик Хоффхарда (несуществующее пространство между входом и выходом, термин из «ключниковой зауми») вниз головой. Зюсска сразу оценила преимущества нападения сверху, но даже в такой позиции твари оставались неуязвимыми для их атак.

И тогда Штиллер раскрыл дверь в туше самого толстого ската.

Ключ Хоффхарда задумывался как оператор сути, не плоти. С его помощью умелый мастер мог выяснить намерения, убедиться в искренности, распознать скрытый мотив поступков врага или компаньона. Штиллер был, наверное, первым, кто в отчаянии применил инструмент таким образом. Теперь нарушителя традиций ожидал специальный ключнико-

вый ад.

Зюсска толкнула товарища в дверь.

И сама прыгнула следом.

Бретта перестала жевать и прислушалась, закусив яблоко. Штиллер осторожно высвободил руку из-под её затылка и натянул одеяло до подбородка. Из приоткрытого окна тянуло сырым ветром с побережья. Над Лена Игел висели тяжёлые тучи, до краёв наполненные мокрым снегом, обещающим неосторожным, легко одетым горожанам затяжную лихорадку. Вдруг девушка подскочила и с яростным воплем метнула огрызок в окно. Послышался крик, шум падения, хохот и топот. Штиллер подскочил к окну, но уже никого не увидел: улица перед «Рыбой» опустела.

– Хамло, – с достоинством произнесла Бретта немного в нос, ныряя под одеяло. – Найду по шишке на лбу – и без какой-нибудь части тела оставлю. Позже решу, без какой. Возьми ещё одно одеяло и иди сюда, спать тебе осталось всего ничего. Я почитаю немного, раз тебе свет не мешает. Ах да! Теперь знаю, что ты имел в виду.

– А что я имел в виду? – Штиллер набросил на неё другое одеяло, точнее, старую шаль, позаимствованную у Ребекки на времена холодов. И подоткнул со всех сторон, зевая и улыбаясь одновременно. Рен совсем не мёрз. Ему не раз намекали, что так проявляется чудовище в составе его души.

– О превращении короля в лягушку, – напомнила Бретта. – Когда глашатай объявил, а ты в толпе стоял, слушал.

– Ну да. Что же ты нового узнаешь?

– Убеждаешься, что отныне ты – не единственный обладатель секрета! – Бретта сердито потыкала пальцем в окно, где уже не маячила физиономия нахального собрата по гильдии. – И часто наши вонючки лезут к тебе в окно?

– Только если засиделись внизу за полночь, когда двери Дома Наёмников закрыты. Отмычки просят.

– А ты не давай... Да что ж так дует?! Запри окно поплотней. Ключник ты или кто?

Зюсскин скат состоял из плеска, движения и прохлады. В нём можно было отдохнуть. Даже возникла соблазнительная мысль никогда не покидать беззаботное, сытое и весёлое существо. Особенно хороши были прыжки – не меньше, чем в три локтя над водой. Смертоносный воздух обжигал кожу, облака и лодки в отдалении представлялись искажёнными, размытыми.

Хлопок! – и появился Штиллер, улыбающийся до ушей.

– Порезался! – объявил он, гордый и счастливый, будто его только что короновали. – Представь, ключом Хоффхарда. Вот ещё один удар по самолюбию именитых теоретиков. Расскажу Смо – у него мозги закипят и вытекут. Через левую ноздрю.

– Радует... – неодобрительно протянула сразу переставшая быть скатом Зюсска. – Зубодёра тебе навестить, что ли? Помогает вспомнить, что за поганка жизнь... А в дерево та-

кой хитростью можно войти?

– Другим ключом, – сообщил Рен.

– А в другой ключ?

– Давай-ка выбираться отсюда.

– У нас в Забуролесье, на берегу Длинной Бухты рассказывают сказку о чудовище, называемом «донник». Потерянное под водой отправляется в одно тайное место и там превращается в большую, страшную рыбу-донник. Если такая схватит, спастись можно, только если рассмешить её. Донник захохочет и выпустит добычу. Когда бригада по ярмаркам шаталась, мы с ребятнёй тамошней «в донника» играли. Было весело, пока одну подружку не утащил в воду... донник.

Штиллер испытующе посмотрел на Зюсску. Та серьёзно покивала и выпрыгнула из корзины трёх сестёр-вязальщиц, саботирующих собственную работу.

– Морскую Змею хотел найти, а не Отика, столетнего неудачника, – раздражённо прошептал Штиллер. – Что теперь скажем печальным сестрицам? Они ведь ожидают от нас ответов на все вопросы.

– Не много ли ты на себя взвалил, друг? – Зюсска глянула на ключника жалостно, с лёгким пренебрежением. – Бесплатно за дело взялся против правил наёмниковских. Даже не поторговался: мол, принесу разгадки – изготовите подвенечный наряд для принцессы. А золото драконово, награду-то, – себе в карман. Продешевил, Штиллер! Но ничего, ещё научишься мудрости купеческой, – Зюсска усмехнулась

загадочно. – И Змея нам ни к чему, без неё ясно.

– Неужто?

– Ага. Сестричкам никогда не перестать заниматься ерундой. Они ведь лучшие из лучших. Зюсска дождалась, пока ключник кивнул, и продолжила:

– Люди глядят на их работу и думают: «Ух ты! Красотища! Лучше не бывает!» А мастерицы знают: можно ещё затейливей, ещё ярче сделать! И распускают. И вяжут заново. И опять. Тут прибавят, там убавят, узор сменяют и прочее. Возьмётся, а добиться, чтоб им самим нравилось – не могут.

– Что же делать? – неслышно произнёс Штиллер, глядя на монотонную работу проклятых.

Зюсска потянулась к нему обеими руками. В левой крючок, в правой – Слоновья Память:

– Уж не знаю, что этим бабенциям поможет, а я между делом подраться не прочь. Отложить клубок – и поохотиться на тварей обжорливых, буролесских. На рыб, всякое понятие о приличиях потерявших. Говорят, жизнь слишком короткая, чтобы стать мастером многих ремёсел. Глупость да скарედность! Народ свою суть тратить не желает. Впрок бережёт. А зачем её хранить? В гроб положить, некромантам на забаву? Тебя возьми: ключник-наёмник. Не будешь ведь двести лет без толку перед закрытой дверью стоять, чтоб её открыть похитрее. Войдёшь, как получится, если тебя внутри дело ждёт.

– Но как же? Создавать несовершенные вещи?.. – расте-

рянно возразила одна из сестёр. Три рукодельницы давно прислушивались к разговору. Ключник заметил, а Зюсска – нет. Впрочем, та ничуть не смутилась:

– Заканчивать, отдавать, браться за новое. Что, страшно? Знаю. Могут сказать: великая мастерица, а петлю упустила, узор кривой, нить не в тон. Да и завершать работу непросто. Думаешь, вот нитку выйму, и сразу Костлявая в дверь постучит.

– А не постучит?

Удивительное дело, но вязальщицы Полотна Судьбы боялись смерти.

– И пусть, – твёрдо ответила Зюсска. – Небось, не гномья холера, не страшная бабка Илем, не Фенна Больная Совесть. У всякой сказки бывает конец. А кто слушал, поумнел да и дальше рассказал – молодец.

Старшая мастерица вручила Зюсске крючок для вязания.

Некоторое время длилось очень эмоциональное молчание.

– Свой вам не подарю, – решительно заявила Зюсска, помотав косичками. – У меня сумка-ловушка полуготовая валяется из шёлковой троллей соломки. Он к ней лучше подходит.

– Жадина! – очарованно воскликнула сестрёнка-сматывальщица пряжи. – Но тебе другие больше не понадобятся.

Этот меняет форму, если им ткнуть в новый клубок.

– Не люблю класть всех шушунов в один карман.

Штиллер нерешительно потянул приятельницу за рукав. Та покосилась на ключника насмешливо и с гордостью.

– Матушкой можешь не звать, не обижусь, – милостиво промолвила она. – Сколько, говоришь, платит дракон за платье, за веночки-розочки?

Штиллер сообщил.

– Сколь...?! Хм, неплохо, я согласна, но с одним условием. Столько же получит и матушка Розвитха, с благодарностями, – Зюсска с ехиднейшей гримасой погрозила в пространство чародейским крючком. – За то, что вырастила у себя в Гильдии Мастериц такую за-ме-ча-тель-ную рукодельницу! Сможешь устроить?

– Ох ты ж, лещ-косорот, – ключник потёр переносицу. – Спрошу Константа, у него точно есть книга о способах отъёма денег у драконов.

Хуго Келен приручил донника.

Тварь скакала вокруг бывшего рыбоведа, взбивая водовороты, делала стойку, изнывала от потребности дать лапу. Увы, лапа никому не требовалась. Поразительно, что такое существо вообще получилось укротить.

Но ещё более Штиллера удивила Бретта.

– Я свободна, – довольным тоном поведала наёмница. – В разводе.

– Как?!

– Несколько обязательств пришлось на себя взять, но можно сказать, я легко отделалась. Душу не заложила: как уже сказано, не верю я в неё, – Бретта наморщила лоб, похоже, ещё раз подсчитывая неведомые прибыли и потери. – А ты решил, что мы с Отиком обменяемся кольцами и на тройке морских слонов укатим в закат?

– Простить не можешь?

– Что прощать? – она равнодушно оглянулась на чародея, играющего с чудовищем. – Дело прошлое. И он совсем не тот, из-за кого я чуть в воду не кинулась. Чужой и дикий какой-то, бешеный. Прав он был, когда в поезде предлагал вместе не работать. Лучше скажи: ты где Зюсску оставил?

Штиллер задумчиво поводил рукой в воздухе, будто протыкая насквозь маленьких шушунов.

– А, у проклятых мастериц! Да, им есть, о чём поболтать. Надеюсь, она не собирается остаться им помочь?

– С проклятьем разобрались уже. Преодолеют, если захотят. А Зюсска потихоньку к выходу плывёт. Треан не вида... Не знаешь, где она?

И вдруг он «увидел» Треан.

Огромный донник, гигантский подводный монстр «служил» не Отику, а невидимой хозяйке. Как ночеградский пёс: балансировал на хвосте, кружился, а Келен наблюдал одобрительно. Из пустой воды вылетел сухарик, подобранный в «Том же сне». И чудовище, воодушевлённо клацая клешня-

ми, устремилось следом, накрыло крошечный кусок своей невообразимой массивной тушей, заглотило добычу. По воде разнеслись аплодисменты.

– Йетта, пора, – негромко позвал Отик.

Штиллер вздрогнул и обернулся к любимой. Но ответила чародею – Треан.

– Возьмём зверушку с собой? Она, наверное, и по суше бегать может. Как думаешь?

– Возьмём, конечно, – пообещал островитянин. – Научим. Он оглянулся на Штиллера с Бреттой.

– Награду я, само собой, перешлю мастеру Ю. Спасибо.

– Да, собственно... – «не за что», хотел сказать Штиллер, но Бретта уколола его одним из лезвий «неотложной помощи», как она их сама называла, и Рен, дёрнувшись, кивнул.

– Ты уверена, Треан? – ужасная тревога заставила ключника задать этот глупый вопрос.

– О, да, – шепнула невидимка, когда он уже решил, что ответа не получит. – Я назовусь Йеттой Келен и уйду с удивительным волшебником, который любого может приручить. Мы, по сути, оба невидимки. Ничем пока не прославились да и сами пока не понимаем, на что способны. Но погоди, про нас ещё станут рассказывать истории!

Ключник был убеждён, что так оно и будет. Но тягостное ощущение совершаемой ошибки не оставляло его. «Через двадцать лет мы встретимся, – странно подумал Рен, – по разные стороны осаждаемой крепостной стены».

– Может случиться, ключник, – признал островитянин, подзывая чудовище. Лохматому, нескладному Отику новая роль подходила, как упырю балетная пачка.

Он встретил неприязненный взгляд Штиллера и объяснил:

– Не желаю быть героем одного-единственного приключения. У моего отца в подвале хранилось с полсотни старомирских книг, я выучился их читать. Там была сказка про малыша, который отправился в дальний путь, чтобы уничтожить некий зловеший предмет. От успеха его миссии зависела судьба всего мира. На помощь пришли могущественные маги и легендарные воители, герои жертвовали собой, древние силы пробудились. Но в решающий момент, пройдя все испытания, малыш отказался выполнить поручение.

На этом месте я закрыл книгу и больше никогда не заглядывал в неё.

– У сказки имелся, наверняка, какой-нибудь скучный конец. Герой всё-таки уничтожил зло, принуждённый союзниками или под угрозой смерти, – продолжил Отик. – Но я, ребёнок, не смог бы вынести столь ужасного финала! Никогда больше не позовут малыша вершить судьбы мира. Великие маги не пустят на свои советы. Останется писать мемуары, пить горькую и поучать молодёжь. Скорее всего, доброжелатели устроят ему несчастный случай, а остальным расскажут, дескать, удалился ваш друг в лучшие края. Жестокая штука

концы сказок! – островитянин криво усмехнулся. – Потому я так рад видеть вас обоих вместе. Разыщите остальных, докажите, что старые истории не заканчиваются.

– То есть?.. – Штиллер перестал понимать.

– Фи-и-инн! Бицца-а-аро! – напомнила Бретта, завывая, как балаганная актриса и вспенивая воду драматическими жестами. Донник пришёл в беспокойство, но Отик цыкнул на зверя, и монстр виновато свернул смазанные свежим ядом щупальца и когти.

– Биццаро, конечно, – согласился Рен, – я думал, про это старьё уже не болтают на базаре.

Призрачный смех Треан прозвенел в пустоте.

– То и дело вспоминают снова. Вам бы уже вчетвером выкинуть что-нибудь особенное, а то народ волнуется, что так ничего и не произойдёт. Пора! – и невидимая рука легла на галантно подставленный локоть островитянина.

– Треан, сестричка! – Бретта неопределённо помахала рукой. – Показывайся почаще. Не то позабудешь, как это делается.

Матушка Розвитха властным жестом отодвинула страницу из Книги Полезных Дел. Штиллер и Бретта ждали, но могущественная старуха неторопливо ухватила дольку мелко нарезанного яблока и отправила в рот. Задумчиво пожевала и потянулась за другой. Оценив, сколько времени потребуется на всё блюдечко, ключник вежливо, но твёрдо поинтересовался:

– Так вы поможете нам, уважаемая мастерица?

Глава гильдии прищурилась.

– Вернуть Ребекке способность быть видимой окружающим? Нет, за подобную глупость я даже браться не стану. Ларс сделал заказ, его почерк? Так и думала.

– Какая разница? – хмуро спросила Бретта, неожиданно цапнув кусочек яблока и явно провоцируя матушку. Стоящая за спиной мастерицы тётя Агнисса тихонько фыркнула.

Розвитха откинулась в кресле, вынула из-под бока клубок ниток, скептически, как на только что снесённое яйцо, поглядела на него. Затем спрятала обратно.

– Ребекка стала невидимой в Михине, – высокомерно, в нос произнесла она. – Но это не значит, что именно здесь он лежит. Её... вид.

– Тут он или нет? – устало спросил Штиллер, уловив многозначность заявления вязальщицы.

– Молодой человек, не нужно меня за язык хватать, – обиделась старуха. – Не привыкла распространять слухи о тех, кто ко мне за помощью приходит. Но, – после чудовищно долгого молчания добавила Розвитха, – совсем без совета отпустить вас тоже неудобно. Придётся рассказать вам сказку.

– Не обязательно, – быстро предложил Штиллер, раздумывая, не поискать ли видимый облик Ребекки где-нибудь ещё. Скажем, в Подземном мире или в Скорпилюдских ямках.

– Слушай внимательно, Арвидов сын, – потребовала материца. Наёмники притихли, и тогда им рассказали сказку. Точнее, еремайскую притчу под названием «Прабабушка».

Еремайе, как известно, город рыбацкий. Женщины там – ведьмы добрые, нежные, с подрастающим поколением строгие и традиции вековые уважающие. Всякий был бы счастлив жениться на еремайке, если бы не их короткая молодость. В 25 лет они уже перестарки. Если такая забеременеет, родит мёртвого трёхлапого вурдалачка. Заботливые мамы за дочерьми строго присматривают, от себя не отпускают, шестнадцатилеток замуж выдают. В одном семействе – не доглядели. Родила Уна по весне дочку. Семья отступилась, конечно, чтобы сестрам от злых языков не доставалось. Построила Уна на берегу домик из обломков лодок, скрепила нутряным чародейством и стала рыбу ловить. Подвесит дочь в платок на спину и стоит по колено в воде, леща за лещом

тащит.

Почуяли дитя синявки-утопленницы: за ноги хватают, вглубь тянут. Не раз выскальзывала девчушка в воду, но мать её у лиходеек отнимала. Разозлилась нечисть, давай сети да лески рвать! С лодки Уна рыбачит – кровь детскую учуют, дно пробьют, весь улов вынут. Соседи уговаривают дитя в Храм Морской Змеи передать, мол, там ребёнка в столице пристроят в услужение. Уна ревёт, отдавать дочь не хочет.

Вот идёт она однажды голодная и плачет. А навстречу старуха. Я твоя прабабушка, говорит, давай за ребёнком при-смотрю. Денег не возьму, рыбки принесёшь – и ладно. Два условия только: засветло дочь забирай и у чужих не засиживайся.

Призадумалась Уна. Бабка древняя, чуть не рассыпается. А ну как уронит малышку? Но отважилась, оставила дочь. И дела на лад пошли. Заводь спокойная, водяной народ не безобразит. С таким уловом возвращалась, что всем на удивление. Стала Уна позже и позже малышку забирать. Однажды в сумерках домой явилась – ни старухи, ни дочери.

Рыбачка к семейным побежала. Нет у тебя никакой прабабки, говорят. Давно умерла, на кладбище в Белых Холмах лежит. Уна – на кладбище. Видит: сидит кто-то на одной из могил. Большой, чёрный, согнутый, ветром его мотает, и в лунном свете тени у чудища нет. Подошла рыбачка тихонько: точно, прабабушка, только громадная, страшная, а на коленях у неё дитя спит.

– Не ешь правнучку свою, – просит Уна, – меня съешь, я послушалась. Прости!

– Прощу, – отвечает покойница, – на первый раз. Будь внимательней, и никакой беды не случится.

Поутру явилась прабабушка в дом у воды, как ни в чём не бывало. Подумала Уна: не голодать же! Стала сети на продажу плести, лодку новую купила. По осени на ярмарке встретила хорошего парня, михинского кузнеца. На закате оттолкнула его рыбачка, вырвалась. Быстро, словно злой наговор, полетела домой, на порог ступила, когда еремайки первые свечки в горницах зажигали.

– Светло! Ещё светло! – кричит, а прабабушка ей:

– Нарушишь слово – знаешь, что будет.

Наступила зима, зашла Уна сестёр проведать. Присела к огню, согрелась, но в окошко поглядывает, не темнеет ли. А родня ей: как мы тебя брали в дом, сиротку, не думали, что из тебя толк выйдет. Но теперь видим. Молодец. Заходи ещё. Без мелкоты, конечно.

Поднялась Уна с замёрзшим сердцем, вышла из чужого дома, побрела тихонечко к себе. Избушка стоит пустая. Рыбачка в тоске на кладбище, там над холмами злые огоньки вьются, с ветвей вороны глядят. Глядь, вдалеке отворилась земля, кто-то в холодную тёмную могилу спрятался. Кинулась Уна вслед чудовищу, а оно накрылось промёрзлым дёрном, будто одеялом. Вздогнул могильный холм, как вздохнул, и стало тихо. Зарыдала рыбачка, стала землю царапать

– не достать, не вернуть!

Вдруг слышит рядом голос прабабушки:

– Беда. То у чужих засидишься, то в сумерках придёшь. Сама обходишь теперь, как знаешь.

Уна поднялась, носом шмыгнула, дочку выхватила.

– Спасибо, – говорит, – что зла не совершила и без наказания отпускаешь.

– Наказания, – отвечает старуха, – тебе не избежать.

И правда. Выросла дочка в чужих людях. Не научилось дитя сберегать впрок тепло материнское. Подросла, стала упрекать за своё детство одинокое. Потом сбежала в Лиод – и не навестит, весточки не пошлёт.

Приходит Уна на Белые Холмы, садится рядом с прабабушкой и молчит.

Знала, что будет.

– Думай, Арвидов сын! – подвела итог старуха, поднимаясь на ноги и протягивая Рену вырванную страницу с цеховым заданием. – Раз из Храма вернуться сумел, то и тут справишься.

Бретта задумчиво доедала яблоко.

– Ребекка, получается, при желании и сама может стать видимой. И тогда станет заметно, что?.. – глаза у наёмницы стали большими, как у кота, обнаружившего угрожающе подкрадывающуюся мышь.

– Оставьте Ребекку в покое, – подвела итог Розвитха. – А

Ларсу передайте: говорить надо с женой. Она хоть и невидимая, но не глухая.

Зюсска, Штиллер и Бретта вышли к мосту, где их ожидал Страж. Огонь горел в его руке, не сжигая.

– Отпустите нас, дяденька-сторож, без всяких угадаек, – просила Зюсска с неотразимой улыбочкой. – Вам оно, имечко, и без того известно, а у нас свои есть!

Сторож ответил серьёзно и значительно.

– Когда я увидел вашу компанию, то сразу решил: никаких превращений в монстров, состязаний со ставками, погонь, доставки того, не знаю, чего. На сей раз всё будет гуманно, обыкновенное разгадывание имени.

Товарищи обменялись скептическими взглядами.

Смотритель указал им на другую сторону моста. Там тоже горел огонь и по воде разбегались тени. Четыре тени. Зюсска, Штиллер и Бретта вышли к мосту, где их ожидал Смотритель с пламенем в ладони.

– Если вам не удастся назвать меня по имени, тогда, – услышал Штиллер, прежде чем паника коснулась его горла ледяным мёртвым пальцем, – сможете посмотреть, что там. Под мостом.

– Догадаться вообще возможно? – спросила со злостью Бретта, взвешивая два лезвия на ладони. – Имён дикое множество. Хотелось бы хоть какую подсказку получить. Может, оно... ну, скажем, троллье. Или рыбацьё?

– Я уже подсказал, – насмешливо прищурился сторож. – Если кто-то и способен угадать моё имя, то вы.

Трое смотрели через мост, на неверный, дрожащий свет. Оттуда, с другой стороны, наблюдали встревоженные глаза.

– Мне приходит в голову ерунда всякая, вроде «Хуберт», – пожаловалась вполголоса Бретта.

– Мне даже Хуберта не приходит, – угрюмо доложила Зюсска, почёсывая мистическим крючком макушку.

«Мы способны угадать... нет, сообразить, как его зовут, – думал Штиллер. – Отец бы сразу понял. Ну, или не сразу, но догадался бы обязательно».

Арвид Штиллер обожал головоломки и вечно был занят неоткрывающимися старомирскими сундуками, кладками, что спрятаны легендарными безумцами, и сборкой игрушек, состоящих из сотен мелких похожих друг на друга фрагментов. У мастера-ключника было множество добровольных помощников – гоблины, шушуны, гномы-ювелиры, разнообразные бродяги, при появлении которых следовало немедленно убежать к себе и не выглядывать, пока гость не уйдёт. Отец никогда не рассказывал о том, что ищет путь на Остров. И вдруг Арвида нашли полумёртвым в собственной спальне: лёгкие полны воды, в карманах – чёрные камешки, не встречающиеся ни в Приводье, ни в Сухоземе. Мать к тому времени умерла, гоблины попрятались, Рен сидел у постели отца и не знал, что делать.

Следующей ночью утопился сосед. Прыгнул с рыбацкого причала в воду, даже с семьёй не простился. Туда же, на дно, ушли знакомые, друзья-одногодки, цеховые приятели отца – один за другим. Рыбаки оставались по домам, детей не пускали на улицы. Жизнь в Михине замерла в страхе, источник которого всем был известен, но никто не осмеливался называть его вслух.

Кошмар кончился, когда Храм Змеи призвал Арвида-ключника. Самоубийства прекратились. Но и потом, многие месяцы спустя, рыбаки, когда ставили сети, встречали утонувших той страшной порой. Шептались о косяках странных человекообразных рыб, идущих прочь от берега. Невеста одного из утопленников пыталась заговорить с женихом, разглядела его под водой на Рыбном Базаре. Когда парень встал и руки протянул, девчонка сбежала, завывая от ужаса.

То был чужой, ужасный, одержимый неведомой злобой волей мертвец, рассказывала потом она.

«Сначала я думал, отец пытается вернуть маму, как делают некроманты («короли червей» называли их в Михине), но на свой лад. А потом испугался, что у него... получится. И, бывало, я, балбес сопливый, огонь в подвале разводил, чтоб весь ужас – говорящих кукол, чучела жуков, булавки в чёрных пятнах, зеркала и прочих гоблинов – пожечь и следа не оставить».

Он вспомнил – только на мгновение, прежде чем шушуны

в голове хором заорали: нет-нет, о таком не вспоминать! – как плакал, стоя на коленях, купая в воде обожжённые ладони, которыми тушил им же самим устроенный пожар. И голос отца, ласково уговаривающий сделать ещё шаг-другой в глубину...

– Я думаю, – сказал Штиллер, – теперь ты зовёшь себя Морская Змея. Хитростью или чародейством тебе удалось превозмочь силу морских монашек и завладеть их святынями. Храм затонул ото всей твоей грязи и безнадёжности. Зато тут, внизу, без помех можно раскрывать секреты здешних глубин и их обитателей. Убедить матушек-мастериц приносить чудесные вещи, приводить одряхлевших героев. Знаю, ты ушёл очень далеко, очень глубоко. Но огонь всё-таки загорается у тебя в ладонях. И нас всю дорогу хранила милость Морской Змеи. Это кажется мне хорошим знаком. Я рад ещё раз тебя увидеть, Арвид-ключник. Папа.

Вырванная страница

Исполнение желаний

Эва открыла глаза, увидела и заорала.

Собственный крик больно ударил в уши, расцарапал горло. Когда воздух в лёгких кончился, никто не пришёл, не спас, не увёл прочь, и проснуться тоже не получилось. Тогда полились слёзы. Эва вскочила на ноги, подбежала к тёмной скользкой стене и принялась ощупывать её, лихорадочно проверяя, возможно ли по ней вскарабкаться вверх.

Тут она заметила кровавые узоры на тыльной стороне ладоней и завывала от ужаса. Быстро ощупала себя, задрала юбку – нет, не ранена! Хорошо, хорошо. Значит, не сдохнет, значит, выберется отсюда. Подавляя панику, женщина огляделась.

Чёрный грубо отёсанный камень стен, уходящих высоко, в недостижимое небо. Глиняное дно колодца, исцарапанное, в тёмных вонючих пятнах. Десяток шагов, чтобы пересечь яму посередине, бессмысленные знаки на высоте протянутой руки – и больше ничего. Эва прислушалась: наверху мерно стрекотали механические цикады, издалека доносилось монотонное пение могильных червей. Значит, она всё ещё в Буролесье! Эва кричала, пока не сорвала голос, но никто

не явился, даже чтобы полюбоваться на её безнадёжное положение. Ни один вурдалак не швырнул в яму комок крязи, вездесущий злоглаз не прошуршал по темнеющему воздуху над ловушкой.

Сжав кулаки, собрав своё могущество, ведьма пыталась вышвырнуть себя из колодца, вырубить ступени, сотворить верёвку, призвать помощника, сообщить мужу о своей несчастной судьбе. Но что-то непонятное, равнодушное, внушающее беспредельный ужас, гасило любое заклинание, стирало слова с губ, глотало силу капля за каплей. Женщина присела на корточки у стены. Усталость и жажда победили. Она больше не кричала, не пыталась чародействовать, даже не плакала. Смутные воспоминания, похожие на выдумки, порождённые отчаяньем, плескались в высыхающих слезах под дрожащими веками. Старомирский Савин – день, когда добрая тётка-осень становится остервеневшей каргой-стужей? Неужто здесь, в Буром Лесу, какие-то безумцы возродили древнюю традицию Дня Смерти?

Эва снова медленно поднялась, проклиная своё решение поискать в чаще дикие затаившиеся яблони или старые развалины, полные непонятных вещей. Давным-давно тут жило много народу. Потом явился Лес и съел город. Теперь здесь были странные, чужие края. Только Подмостье оставалось безопасным для людей. Но у воды уже невозможно было обнаружить ничего вкусного, дорогого и занимательного.

Приходилось отваживаться в чащу, вопреки неодобрению

родни.

В лесу её схватили, разрисовали кровью и бросили в колодец незнакомые дикари, последователи забытого старомирского культа. Значит, некто явится, чтобы пожрать жертву. Почему же он не торопится? Или ей предстоит просто сдохнуть от жажды, предварительно свихнувшись от беспомощности?

Вряд ли. Слишком долгая, скучная смерть, чтобы сохраниться в ритуале через века. Возможно, она пропустила нечто важное.

И точно: после долгого ползания в грязи, осмотра каждого камня, на закате женщина обнаружила, что почва в центре ямы легко поддается. Видимо, недавно была накинута и тщательно утрамбована. Так, чтобы жертва не заметила или не сразу обратила внимание. Холодея при мысли о том, что действует по плану безумцев, Эва стала копать.

На глубине полутора локтей она заметила, что из-под пальцев струится бледный, холодный свет. Спустя несколько ужасных часов, совершенно без сил, она полностью освободила то, что спрятали в колодце: деревянный ящик длиной примерно с обеденный стол, но довольно узкий. Сидящий во главе такого стола патриарх неизбежно утыкался бы локтями в тарелки жены и старшего сына. Ожидая увидеть внутри некий проклятый клад, оружие или спящего некроманта, ведьма с мучительным усилием оторвала крышку – и захрипела, больше не в силах кричать. Безумцы положили в ящик

кости. Едва заметно светящийся скелет. Зачем?!

– Савин, – прошептал череп, внезапно перевернувшись и упав на скуловую кость, так что пустые глазницы оказались направленными прямо на девушку. Та отодвинулась, на шаривая в темноте камень, чтобы отбиваться, если мёртвый встанет. Ей ещё не доводилось встречать «ходячую плоть», творения Гильдии Гробокопателей. Да и представить себе кости, способные передвигаться без скрепляющих жил и мышц, было трудно. Но вдруг?

– Зачем я здесь? – тихонько спросила она.

– Чтобы испытать страх и получить награду, – донёсся из ящика тот же шелестящий голос.

Ясно теперь, почему её могущество оказалось бессильным. Сама того не желая, Эва питала немёртвого своей жизнью, отчаянно пытаюсь сбежать. Колдовать, выходит, нельзя: усилит чудовище, а её ослабит.

– Ладно, – Эва прокашлялась. – Я боюсь. Аж сейчас обмочусь от ужаса, – и это была, увы, совершенная правда. Особенно выматывала мысль о том, что трёхлетний сын Тимуш, возможно, будет расти без мамки. – Где моя награда?

– Исполнение последнего заветнейшего желания, – ответил мертвец и захихикал сухим, неживым смехом. Звук его быстро затих, но ощущался болезненной вибрацией в кишках и в пересохшем горле у пойманной ведьмы.

– Хочу выбраться отсюда, – быстро произнесла она. Ничего не изменилось.

– Что не так? – спросила Эва. Руки у неё задрожали, а из глаз снова покатались злые слёзы.

– Последнее... заветнейшее... желание... – проскрипел покойник.

– погоди, рассветёт, – пообещала она, всхлипывая, – меня искать пойдут, вытащат, мы веток в яму покидаем и подожжём! Сгоришь к шушунам... – и добавила несколько слов, изумляясь, что способна произнести подобное вслух.

– Не рассветёт, – равнодушно возразили кости.

Она перестала обращать внимания на мертвеца. Из всех угасающих сил принялась карабкаться по отвесным стенам. Вытряхнула кости в грязь, влезла на ящик и убедилась: нет, не дотянуться, не выскочить! Вонючие трухлявые доски развалились, женщина упала на кости, разорвав себе кожу на боку. В ярости Эва вырвала из своего живота фалангу пальца с когтем, острым, как игла. И несколько минут тупо пялилась на вытекающую густую жидкость. Её собственную жизнь. Потом стало темно.

Когда она вновь приоткрыла глаза, череп лежал около её лица и глядел спокойно, выжидательно.

– Сына бы... – с третьей попытки получилось заговорить, – увидеть...

– Мама! – звонко крикнул позади знакомый голос, и женщина зажмурилась, заорала беззвучно, понимая, что сделала, что натворила. Потом попыталась обернуться, и сын обхватил её своими родными маленькими ручками.

– Мама... – плакал Тимуш, – мне страшно. Пусть не будет страшно!

И стало так.

Спустя мгновение в колодце больше некому было бояться.

Глава 2. Обещание дракона

1

Дверь таверны «Старый маяк» отворилась. Стоящих на пороге выхватил из сумрака нездоровый жёлтый свет. В нём струи отвратительного дождя со снегом стали похожи на верёвки, опутывающие гостей, будто кукол-марионеток. Вода покрывала лица визитёров дрожащими масками. И всё же они были немедленно узнаны.

– Хм, это на самом деле ты.

Хозяин дома криво, как паралитик, улыбнулся, не раскрывая рта. Но тут же вернул своему жуткому лицу выражение строгое, недовольное, какое имеют выпавшие из садка, забытые на пристани лещи. И заявил, вещая прямо в сознание ключника:

– Признаюсь, я озадачен. Тебе всегда удавалось сбить меня с толку, Финн. Или слухи об амнезии правдивы? Нет, не куплюсь на такой бред. Или думаешь, что после всего, что о твоих подвигах рассказывают, я размякну и предложу помощь? Ха! И эльфа зачем-то привёл...

Штиллер показал главе цеха некромантов несколько передних зубов, как делается вежливыми людьми.

– Лорд Родигер! Вы меня тоже удивили: открываете дверь

сами. Не можете себе позволить привратника-шушуна? Извините, я совсем не то хотел сказать. Вы меня приглашали в гости: давно уже, в начале осени, помните? Сожалею, что раньше не воспользовался столь любезным предложением.

– Меня зовут Оаль, – сообщил с достоинством эльф.

Некромант помолчал, размышляя. Визитёры скромно мокли.

– Так, значит, поведём дела? – проскрипел, наконец, Родигер, подхватив длинным острым языком ускользящую по щеке мушиную личинку. – Что ж, я готов. Добро пожаловать, Финн... Штиллер.

Рен вошёл, стряхивая с плаща тяжёлые холодные хлопья, задержался на мгновение, ожидая, что дверь с устрашающим грохотом лязгнет засовами за его спиной. Но ничего подобного не услышал. Лёгкий сквозняк из приоткрытого на ладонь входа ерошил ему волосы на затылке. Ключник кинул недоверчивый взгляд через плечо и сразу проклял своё любопытство.

– Два-один, – усмехнулся хозяин Маяка. – Мне тоже удалось вас удивить, уважаемый ключник. Но больше никаких сюрпризов. Вы уйдёте отсюда, только если каким-нибудь немыслимым трюком убедите меня, что не опасны. Иначе придётся задержаться. На сей раз я прослежу, чтобы никакая психованная ночеградка не увела вас в другой трактир.

– Да, ясно, – решительно отказавшись от имитации вдохов, отвечал обонятельно травмированный Рен. Он только

что осознал, что некроманты и не пытаются что-то сделать с основной проблемой, своим несравненным «ароматом». Гробокопатели носили его с достоинством, как гвардейцы – королевское знамя.

Легендарный Светлый Дом, где во время войны с тёмным чародеем происходили советы объединённых сил Противостояния Архиврагу Биццаро, много лет назад утратил роль неприступного бастиона. Теперь тут был трактир, правда, не совсем обычный. Посетитель Старого Маяка попадал в просторный зал с выбеленными стенами и низким сводчатым потолком. Разнообразные кости и многочисленные черепа декорировали его. Но в чудовищной избыточности своей не создавали гнетущую атмосферу страха и безнадёжности, а казались подделкой, причудой безумного художника. Непонятно было, как на них смотреть: с отвращением или с интересом. Зловещая мозаика включала также хитиновые надкрылья, выбеленные раковины, позвонки рептилий и останки, обладателей которых вообразить не получалось.

– Элементы человеческих и нелюдских тел столь же распространены, как и камни, дерево и прочие материалы, – прокомментировал хозяин, неспешно следуя к центру круглого зала, основания Маяка. – Зато кости, кожа и прочая роскошь исполнены смысла, вызывают эмоции по своей натуре. Их не обязательно покрывать узором, шлифовать или раскрашивать. Каждая сама по себе – уникат, легенда, дра-

ма, событие. Стать частью архитектурного шедевра – не лучше ли, чем пойти на корм червям? Ещё больше смысла было войти в состав другого живого организма. Но мы, к сожалению, не всегда успеваем помочь...

Говорил некромант монотонно, безо всякого интереса к мнению собеседника. Желания спорить с ним не возникало. Нечто подсказывало: в подобной дискуссии животительной правде не родиться.

Тем вечером трактир оказался пуст, и ясно, почему. Погода не располагала к долгим прогулкам, а добраться до Маяка возможно было только, проблуждав по извитым переулкам Верхнего города через два кладбища, древнее и новое, яблоневый сад и окраины, не пользующиеся славой респектабельных и безопасных. К тому же большая часть жителей столицы отправилась в Амао, где накануне Последней Зимней Ночи Король и вампирка назначили свадьбу. Так что в глубоких тёмных нишах по стенам за массивными столами из морёного бука обнаруживались три или четыре неподвижные фигуры. Гости отличались редкой необщительностью: на приветствия не отвечали даже взмахом руки. Напротив каждого стояла пузатая бутылка или массивный кубок, но никто не прикасался к напитку, полностью погружённый в раздумья. Они могли быть и покойниками. Элементами декора. Статуями из плоти. Штиллер поймал себя на мысли, что не хочет, чтобы один из них обернулся.

– У меня наверху побеседуем, – предложил Родигер, вы-

брав одну из узких лестниц и широким движением приглашая гостей вверх за собой. Трое неторопливо поднимались мимо закрытых дверей, мимо окон, куда заглядывала то ущербная Луна, то тёмная гавань, то кладбище, освещённое огнями десятков дрожащих на ветру свечей. Лорд Могильщик, опираясь левой рукой на перила, время от времени странно взмахивал ладонью, отгоняя тени. И Рен не видел, но понимал, что свита некроманта следует за ними.

Когда эльф принялся недовольно бормотать под нос о подъёмниках, которые вежливые люди строят для невысоких, пожилых посетителей, граф и гости вышли на узкий балкон, нависающий примерно в метрах двадцати над могилами. От непогоды его защищал деревянный навес. Родигер задвинул ставни, превратив балкон в уютную комнату.

И тут Рен понял, что уже бывал тут. В этой комнате он однажды умер.

– Что-то не так? – осведомился Родигер, заглядывая в лицо. – Воды? Покрепче чего-нибудь?

– Спасибо, я после вашего прошлого гостеприимства и сыт, и пьян, – не совсем понимая сам, что имеет в виду, отказался Штиллер. И, кажется, ответил правильно.

Некромант сел у приставленного к стене длинного стола, которые в ходу у плотников и гробовщиков. Гости заняли табуретки, предназначенные, вероятно, для шушунов-подмастерьев.

– Вы помните, – констатировал вслух граф, – значит, спо-

собны представить себе меру моего милосердия. Можно было обойтись с рыбаком Бартоломео иначе.

– Почему вы, собственно, граф? – стараясь не выглядеть обеспокоенным, поинтересовался ключник. – Выходцы из Старого Мира были равны по статусу и добровольно присягнули Королю как наиболее талантливому магу. Элмшский барон (я прочитал об этом) фамилию носил похожую, Барон, и шутник был изрядный. Дворянства, значит, никакого. Что же тогда за нелепый фольклор?

– И это я слышу от того, кто поселил эльфов в пустыне и позволяет звать себя богом!

– Финном! – возмущённо поправил Оаль, белый лучник.

– А что такое финн?

– Заботливый всемогущий.

– То есть, бог.

– Ну... в общем, да.

Ключник захохотал. Некромант и эльф смотрели внимательно и ждали, пока он не успокоился.

– И всё-таки? Что за граф такой? – в последний раз проstonав и промокнув глаза от слёз, спросил Штиллер.

– «Grapho-» – пояснил Родигер. – Я был поначалу...

– ...составителем летописей, коллегой Понедельника?

– Архивариусом. Естественными науками я позже заинтересовался, когда лекции Биццаро послушал... А Констант был хронистом, вёл записи о Новом Мире, выкупал у бродяг путевые дневники, читал в Лиоде географию Приводья и

троллям механику. Меня же интересовала сохранность старой культуры. Удалось воспроизвести по памяти античных философов, реконструировать шедевры классической литературы: поэзию, драматургию...

– Не ваш ли воспитанник чуть не свёл меня с ума кустарным Шекспиром?

– Театральный демон? Бедный... Йорик. Я приютил его в одной из могил там, внизу. Чудак так трогательно вспоминал о встрече в Лиоде! Знаете, в смысле стихосложения вам стоило бы ограничиться покупкой билетов на тролleys поезда.

Штиллер только рукой махнул, на смех сил пока не было. И заметил, что в ответ на резкое движение некромант показал блестящее остриё кинжала из раструба своего чёрного рукава. Родигер его боялся. Будто змея, ошибочно уверенная, что противник тоже ядовит. Увы, лишь до первого укуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.